

ВОССТАНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Питер Хизер

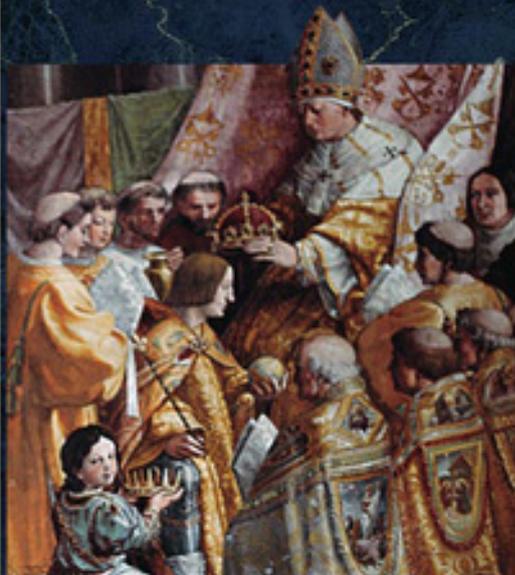

РЕФОРМАТОРЫ

ЦЕРКВИ

И ПРЕТЕНДЕНТЫ

НА ВЛАСТЬ

Memorialis

Питер Хизер

**Восстановление Римской
империи. Реформаторы Церкви
и претенденты на власть**

«Центрполиграф»

2013

Хизер П.

Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть / П. Хизер — «Центрполиграф», 2013 — (Memorialis)

ISBN 978-5-227-05821-8

В 476 г. полководец римской армии Одоакр захватил в плен и казнил отца и дядю императора – тогда ребенка – Ромула Августула и отослал императорские регалии в Константинополь. Это был смертельный удар для Западной Римской империи. Питер Хизер, профессор истории Средних веков, рассказывает о трех претендентах на престол, которые пытались возродить римское наследие в Западной Европе, – Теодорихе, Юстиниане и Карле Великом. Автор показывает, что старую Римскую империю, созданную завоеваниями, невозможно было сохранить в новой Европе в начале Средних веков. И только когда церковнослужители с варварского севера обновили институт папства, стало возможным реальное восстановление императорской власти. Этой новой Римской империи, созданной варварами, уже более тысячи лет.

ISBN 978-5-227-05821-8

© Хизер П., 2013
© Центрполиграф, 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая. «Образец единственной Империи»	11
Глава 1. Gens rigriga	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Питер Хизер
Восстановление Римской
империи. Реформаторы Церкви
и претенденты на власть

Peter Heather

The restoration of Rome. Barbarian popes & imperial pretenders

Copyright © Peter Heather, 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Посвящается Аните Хольм Сойер

Пролог

Приблизительно 4 сентября 476 г. один из полководцев римской армии в Италии по имени Одоакр арестовал и казнил дядю императора Западной Римской империи Ромула, известного как Августул – маленький Август. Семейно днями раньше Одоакр проделал то же самое с отцом Ромула. Сам император был всего лишь ребенком, а его отец и дядя правили империей. Оказавшись у власти, Одоакр проявил милосердие. Ромул был отправлен жить в имение в Кампании (обширная область на восточном побережье юга Италии. – *Пер.*) до конца своих дней. Но для хода европейской истории более важным было то, что Одоакр также убедил римский сенат отправить в Константинополь к императору Восточной Римской империи Зенону посольство, заявившее, что «нет нужды в раздельном правлении, и одного императора достаточно для обеих империй [Восточной и Западной]».

Вскоре за ним последовало другое посольство, которое привезло в Константинополь одеяние императора Западной Римской империи, включая плащ и корону, ношение которых считалось государственной изменой для всякого, кроме императора. И хотя Одоакр поддерживал вымысел о суверенитете императора Зенона, однако не намеревался позволять Константинополю вмешиваться в дела расположенного в Италии государства, которым он теперь управлял. Два посольства Одоакра положили конец почти 750-летней традиции существования империи с центром в Риме¹.

Но низложение Одоакром Ромула Августула стало для империи всего лишь последним смертельным ударом. До этого ее западную часть постепенно уничтожали три предыдущих поколения политиков. Затем произошел этот удивительный переворот, нарушивший равновесие стратегической власти на обширных европейских территориях. За исключением нескольких самых первых успехов, вроде захвата Сицилии в III в. до н. э., основная территория Римской империи была приобретена в течение одного века до рождения Христа и одного – после. Это была эра, когда несредиземноморская Европа представляла собой три больших географических региона (западный и южный, северо-центральный и северо-восточный), в каждом из которых существовали общества, находившиеся на поразительно разных ступенях развития. Производство продовольствия, плотность населения, сложность экономики, размеры поселений и масштабы политической организации – все это было на гораздо более высоком уровне на юге и западе Европы латенского периода (археологическая культура железного века, распространенная в Центральной и Западной Европе в V–I вв. до н. э. – *Пер.*), который существенно понижался по мере продвижения на восток и север по территории двух других регионов. В течение этих ключевых лет строительства империи ее средиземноморские регионы в сочетании с его грозной военной организацией для предстоящего завоевания всех европейских территорий поставляли для Рима необходимые экономические и человеческие ресурсы. Практически только европейские запад и юг получили затем от Рима доходы и достаточное количество военной добычи – этим оправдывалось ведение на материке крупномасштабных военных действий, а римские легионы остановились только на дальних границах этих регионов.

Однако человеческие амбиции таковы, что были также предприняты усилия к тому, чтобы подчинить себе части Центральной Европы, в которых в значительной степени преобладало население, говорившее на германских языках. Часто думают, что большая победа вождя херусков Арминия над римской армией в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. положила конец этому процессу, но реальность оказалась более прозаичной. В последовавших вскоре военных похо-

¹ Как долго просуществовала Римская империя, зависит, конечно, от того, как считать. Я датую ее установление с момента ее первых приобретений за пределами Италии – завоевания о. Сицилия. Цит. из: Малх 14, перевод Блокли (1983), 410.

дах римляне разгромили Арминия, и поистине это была логика имперского уравнивания затраты – выгоды, означавшей, что Рим в конечном счете позволил границам своих владений слиться с Рейном и не стал отодвигать их дальше на восток. В начале первого тысячелетия северо-центральная область Европы не стоила расходов на ее завоевание, тогда как третий регион – северо-восточный – никогда даже и не фигурировал как объект интереса империи.

Однако за последующие четыреста лет – прежде всего благодаря импульсу, полученному от взаимодействия с Римской империей во всех областях жизни от экономики до политических и культурных образцов, – убыстряющийся процесс развития изменил модели жизни в центральном регионе Европы. К середине IV в. увеличилось производство сельскохозяйственной продукции, значительно выросла плотность населения и экономические модели приобрели дотоле неизвестную сложность. Военная мощь этого региона в целом тоже заметно выросла (не в последнюю очередь за счет заимствования римского вооружения), а его политические структуры стали гораздо более сильными. Было невозможно создавать большие долговечные государства в этом регионе, потому что экономические и административные структуры еще не могли поддерживать сложные политические надстройки. Так что Рим, вообще говоря, сохранял за собой общий стратегический контроль. Тем не менее к IV в. до н. э. империи приходилось обеспечивать безопасность своих границ с помощью политики кнута и пряника, чтобы справляться с несколькими довольно крепкими зависимыми государствами среднего размера, которые теперь занимали каждый дюйм площади по ту сторону границы. Старый порядок, царивший в центральном регионе, – когда существовали маленькие, редко разбросанные племенные общины, – ушел в прошлое. Эти зависимые государства, возможно, не угрожали общему существованию империи, но, безусловно, обладали достаточной политической и военной силой, чтобы формулировать свои собственные средне- и долгосрочные политические программы. И когда условия были в их пользу (обычно это случалось, когда Рим вел войну с Персией), они могли даже парировать самые назойливые аспекты римского владычества, которые принимали форму бесконечных требований людских ресурсов, продовольствия, сырья и иногда – даже дозволения свободно действовать христианским миссионерам. И если изменившаяся северо-центральная область Европы оставалась слишком разрозненной политически, чтобы представлять общую угрозу, то во многом изначальное демографическое и экономическое преимущество, позволившее Римской империи возникнуть пятьсот лет назад, было подорвано развернувшимися за это время революционными процессами развития².

Мой отец был экспертом по взрывчатым веществам и рядом с ними провел большую часть своей жизни. Главный принцип безопасности, который он понял в начале своего обучения, состоял в следующем: где бы человеческая деятельность ни создала легковоспламеняющуюся атмосферу, «Бог, то есть какой-то несчастный случай или что-то еще, пошлет искру». Иными словами, безопасность должна была сосредотачиваться на том, чтобы не допускать нарастания огнеопасных условий, так как попытки уберечься от искр оказывались совершенно безнадежны. Что касается европейской истории, существенное преобразование старого северо-центрального региона создало потенциально взрывоопасную политическую ситуацию – по крайней мере, по отношению к долгосрочному будущему римского империализма, и искра в конечном итоге явилась в образе гуннов. Ворвавшись на границы Европы в два этапа в последней четверти IV в., гунны вытеснили две большие смешанные группы старых сателлитов Римской империи из трансформировавшегося северо-центрального региона (вместе с некоторыми другими группами издалека) на территорию империи в две волны: в 375–380 гг. и четверть века спустя, в 405–410 гг. Первая волна совпала с оккупацией гуннами земель, расположенных непосредственно к северу от Черного моря, а вторая, по всей вероятности, – с их дальнейшим

² Для более полного исследования этих решающих преобразований см.: Хизер (2005), с. 3; с. 2–3 с полным указанием на многочисленные и различные исследования.

проникновением на запад до Большой Венгерской низменности. Перед лицом (естественной) враждебности римлян, которые либо массово убивали тех, кто был вовлечен в такие передвижения, либо обращали в рабство, уцелевшие иммигранты из обеих групп (а многие из первоначальных участников погибли в пути) к концу 410-х гг. на почве Западной Римской империи объединились в две новые смешанные группировки, ставшие крупнее и сплоченнее каких-либо объединений людей, существовавших по другую сторону границы в IV в.: вестготская и вандало-аланская коалиции. В каждую входили по крайней мере три основных, до этого независимых, источника военных людских ресурсов, и в обеих из них развились соответствующие более централизованные руководящие структуры. Они укрупнились, чтобы выстоять перед лицом ответных ударов римлян, а большие богатства римского мира в сравнении с богатствами по ту сторону границы дали возможность новым династиям мобилизовать достаточные ресурсы, чтобы удерживаться у власти.

Но в то время, когда изначальные мотивы иммигрантов были сфокусированы в основном на спасении от хищнического нападения гуннов, они тоже хотели извлечь выгоду из богатств Рима, и их появление на землях империи физически подорвало ее способность к выживанию. По существу, она функционировала благодаря обложению налогами сельскохозяйственного производства с целью финансирования своей профессиональной армии и других правительственных структур. Эти новые объединения иммигрантов заставили Западную Римскую империю признать занятие ими частей ее территории, что значительно сократило ее доходы и, как прямое следствие, размеры армий, которые она могла содержать. И другие аутсайдеры, которым гунны непосредственно не угрожали – такие, как англо-саксонские племена, вторгшиеся в Южную Британию, быстро воспользовались военными и политическими ограничениями, вызванными этими потерями доходов. Особенно когда вандало-аланская коалиция захватила в 439 г. самые богатые североафриканские провинции Западной Европы, последняя оказалась в порочном круге. Меньшая численность войск означала еще большие потери территорий как в пользу изначальных групп аутсайдеров (вестготов и вандало-аланов), так и новых (вроде франков). Убывающая военная мощь империи побуждала встать на чью-то сторону.

Переворот, произведенный Одоакром, совершил последние обряды в этой саге о крахе империи. Он был частью последней волны беженцев из старой северо-центральной области Европы, которые нашли дорогу на римские земли в результате распрей, последовавших за падением гуннской империи Аттилы в Центральной Европе в конце 450-х и 460-х гг. Будучи правителем народа скиров и сыном одного из главных сторонников Аттилы, он был вынужден перебраться в Италию, когда его народ утратил свое независимое положение. И недовольство военных, которое Одоакр использовал в своих интересах, чтобы осуществить государственный переворот, было вызвано нехваткой в Италии средств для выплаты жалования солдатам, которых он поднял на бунт. Эта нехватка явилась непосредственным результатом потери доходов от налогов из провинций по мере того, как они одна за другой попадали под власть захватчиков извне – процесс, образующий центральную повествовательную линию истории Западной Римской империи в V в. Поток финансовых средств для содержания римской армии в Италии постепенно убывал, а Одоакр был там для того, чтобы извлечь выгоду из проистекающих из этого беспорядков. Искра, высеченная гуннами, привела к стратегическому взрыву, который перенес значительное количество вооруженных людей из преобразившейся северо-центральной Европы на землю Западной Римской империи, чтобы подорвать там ее власть³.

Новые правители, вставшие во главе политически связанных объединений вооруженных людей, которые не так давно возникли за пределами границ империи, были теперь хозяевами основной массы старых западных владений римлян. Наряду с Одоакром англосаксонские короли контролировали большую часть Центральной и Южной Британии, франкские –

³ Это краткое изложение истории, которую я попытался рассказать подробнее в «Падении Рима»: Хизер (2005).

управляли Северной и Восточной Галлией, вестготские – властвовали в Юго-Западной Галлии и Испании, представители бургундской династии – в долине Роны, а самые богатые римские земли в Северной Африке оказались в руках вандалской династии Хасдингов (карта 3, с. 82). Таким образом, группы племен из старой северо-центральной области Европы в том виде, в котором она была на момент рождения Христа, породили мощную революцию на земле Рима, в результате которой вместо изначально единой империи появилось несколько государств-правопреемников.

В равной степени глубокий переворот (даже если и менее подтвержденный документально) затем последовал в самой Центральной Европе приблизительно через век после 476 г., который привел группы славянских племен из третьей европейской области на север и восток, и они заняли заметное положение в большей части Центральной и Восточной Европы. Этот процесс нельзя восстановить в подробностях, хотя существует достаточно указаний на то, что создание славянской Европы было итогом ряда сложных, разнообразных и продолжительных процессов, нежели внезапного переворота. Однако вот что становится совершенно ясно: крушение Западной Римской империи нужно рассматривать как часть тотального изменения существовавших в Европе балансов стратегической силы, эквивалентного процессам, происходящим в наше время, по мере того как постепенно проявляются региональные и глобальные последствия массовой экспансии ближневосточной, азиатской и некоторых южных экономик⁴.

Но посреди всей этой перестройки римская концепция империи не только продолжала существовать, но и оказалась необыкновенно живучей. После поразительного полутысячелетнего существования (в сравнении: Британская империя протянула менее века) это, наверное, не так удивительно. Это сверхгосударство – Западная Римская империя – могло исчезнуть, но на многих (хотя и не на всех) частях его старых территорий население пережило закат империи, сохранив в целостности свои общественные, экономические, судебные и культурные структуры. В этих группах остались целыми и невредимыми римские идеи и даже некоторые административные институты. Да и чужаки, уничтожившие империю, не испытывали непримиримой враждебности ко всему римскому. Многие из них были ее давними приграничными соседями и не начинали свои индивидуальные захваты частей римской территории под знаменем идеологического крестового похода против империализма. Они давно уже привыкли действовать в рамках всеохватывающей структуры Римской империи, и новые лидеры пришедших ей на смену государств, приступив к созданию нового порядка из хаоса ее крушения, видели много полезного для себя в структурах римского правления, общества и культуры.

Подхватывая историю от судьбоносного посольства Одоакра, передавшего Константинополю облачения императора Западного Рима, в этом продолжении книги «Падение Римской империи» рассказывается о трех великих претендентах на императорский престол, пытавшихся возродить римское наследие в Западной Европе, – Теодорихе, Юстиниане и Карле Великом. Каждый из них добился удивительных успехов. Имея совершенно разное происхождение и различные опоры власти, каждый из них сумел собрать воедино достаточную часть старой Западной Римской империи, чтобы убедительно заявить о своих правах на титул ее императора.

Но даже когда каждый из них закончил свой необычный жизненный путь, образ жизни людей на просторах Европы продолжал отдаляться от трехступенчатой модели, характерной для времени рождения Христа. Так как эти претенденты были по-своему успешны, то обстоятельства второй половины первого тысячелетия все больше препятствовали возможности поддержания долговременной структуры империи в том масштабе, который сохраняла старая Западная Римская империя на протяжении предыдущих пятисот лет. В конечном итоге восста-

⁴ На тему так называемой славянизации Европы, которая переключила карту Центральной и Восточной Европы, см.: Хизер (2009), особенно с. 7–8 со ссылками на литературу.

новление стабильной императорской власти в поистине римском масштабе оказалось возможным только тогда, когда свежая кровь из той части Европы, которую «старые» римляне считали совершенно варварской, воспользовалась инструментарием Рима, чтобы породить совершенно новую империю. Благодаря обновленному институту папства европейские варвары нашли способ основать новую Римскую империю, существующую уже более тысячи лет.

Часть первая. «Образец единственной Империи»

Глава 1. *Gens purpura*

В 507 г. или около того правитель Италии остгот Теодорих написал императору Восточной Римской империи Анастасию в Константинополь:

«Вы – прекраснейшее украшение всех государств; вы – благотворная защита всего мира, к которой по праву обращаются все другие правители с благоговением, потому что они знают, что у вас есть нечто, чего нет у других: прежде всего мы, которые с Божьей помощью научились в вашей Республике [Константинополе; Теодорих провел в своем детстве десять лет в этом городе] искусству справедливого управления римлянами. Наша королевская власть – подражание вашей и создана по вашему образцу – образцу единственной империи; и в той мере, в какой мы следуем вам, мы превосходим другие народы».

Это необычное письмо. Для римлян любой эпохи Теодорих был всего лишь варваром. Однако здесь мы видим короля остготов, который утверждает, что берет за образец римские идеалы. Естественно, эти его слова так же известны, как и необычны, и их часто цитируют как доказательство продолжавшегося психологического влияния Рима спустя поколение после того, как на троне Западной Римской империи сидел последний император, облаченный в пурпур.

Но при более близком рассмотрении эта цитата раскрывает гораздо больше. Подобно многим дипломатическим письмам, составленным почти в любую эпоху человеческой истории, это послание написано неким шифром, пере дающим его полное значение посредством набора условностей, в равной степени хорошо понимаемым обеими переписывающимися сторонами. В данном случае ключом являются давние идеологические утверждения, которые поддерживали самопонимание Римского государства-империи. Согласно римской идеологии, существование империи было настолько тесно вплетено в планы благодетельного божества, в которые входило привести человечество к наиболее полному раскрытию своего потенциала, что на самом деле именно божественная сила Провидения стала причиной его возникновения, а впоследствии и основой его поддержки. Этот тезис, будучи продолжением идей, которые впервые были точно сформулированы стремящимися к могуществу и богатству преемниками Александра Великого, далекими от христианства (и поэтому их власть часто характеризовалась как эллинистическая царская), потребовал поразительно немногих изменений, когда император Константин объявил о своей приверженности к христианству. Претензия на божественную поддержку ради выполнения божественно предопределенной миссии оставалась постоянной: помогающее божество было заново отождествлено с христианским Богом, а целью миссии стало распространение христианского Евангелия.

Прочитанные в контексте этой идеологии слова Теодориха становятся явно менее почти-тельными. Ключевые слова – «Божья помощь» (*auxilio divino*). Используя их, гот дал понять Анастасию, что, на его взгляд (никто не знает, что думал император Восточной Римской империи, когда ему прочитали это письмо, хотя я мог бы рискнуть и предложить свою догадку), способность Теодориха править Италией в качестве вполне вставшего на ноги римского правителя была результатом не случая или даже его личных способностей, отточенных десятью годами наблюдений за тем, как работают римские порядки в Константинополе (хотя это сыграло роль лишь отчасти), а в основном прямого вмешательства Бога. Центральным моментом всей государственной идеологии римлян являлось утверждение, что империя существует потому, что она ключ к божественным планам в отношении человечества. Параллельное заявление Теодориха о том, что божество поддерживает его собственную способность править в должной

римской манере, было равнозначным утверждению, что он сам вместе с царством, которым он правит, такой же законный «римлянин», то есть божественно предопределенный, как и сама Восточная Римская империя. Как явствует из письма, все «римское» в себе Теодорих получил косвенным образом не от Восточной Римской империи, а непосредственно от Бога. Кем же являлся этот гот-выскочка, делавший такие необычные заявления, и насколько реальным было утверждение о его собственной принадлежности к римлянам?⁵

«Гетика»

Первая картинка из жизни юного Теодориха, дошедшая до наших дней: его в семи– или восьмилетнем возрасте отправляют в качестве заложника в столицу Восточной Римской империи – Константинополь. Это был приблизительно 461 г., и, каким бы ни был юным Теодорих, ему отводилась важная роль. Его дядя только что придумал новое дипломатическое соглашение с тогдашним императором Львом, в результате которого ему была назначена иностранная помощь или субсидия – называйте как хотите – в размере трехсот фунтов золота в год. Маленького Теодориха отправили в столицу в качестве физического воплощения одной из оговорок о залоге этого соглашения. Все это считалось обычным делом. С незапамятных времен Рим требовал высокопоставленных заложников для обеспечения соблюдения договоров⁶.

Этот эпизод известен из истории готов, или «Гетики», написанной неким Иорданом в Константинополе приблизительно в 550 г., и этот текст сыграл главную роль в современном понимании того, кем на самом деле был этот ребенок. Позднее, когда Теодорих уже прочно сидел на троне Италии, он любил говорить (особенно иностранным монархам) о своей принадлежности к исключительно «пурпурной» (то есть императорской) династии – *gens purpura*. Законность его собственной власти вытекала из того факта, что члены его рода безоговорочно правили готами на протяжении семнадцати поколений к тому времени, когда в 520-х гг. власть оказалась в руках его внука и преемника Аталариха. «Гетику» Иордана давно уже брали для предъявления веской повествовательной поддержки этого утверждения, и ее текст включал не только полную генеалогию рода Теодориха Амала (схема на с. 25), но и множество рассказов о некоторых его наиболее выдающихся представителях⁷.

Прежде чем полностью принять на веру эту идею, важно более внимательно взглянуть на ее источники. Одним из главных источников, как пишет Иордан в своем предисловии (более широкое сравнение с другими сохранившимися сочинениями этого автора подтверждает это), была ныне утраченная «История готов», написанная римским сенатором Кассиодором, с которым мы встретимся в следующей главе. Иордан рассказывает нам, что «История готов» находилась в его распоряжении всего три дня, но действительно важным для нас является совсем другое – Кассиодор был хорошо осведомленным человеком при дворе Теодориха и сочинял свою «Историю...», будучи на царской службе. Конечно, этот факт расшатывает любые заявления, что Иордан предоставляет независимое подтверждение уникального царского статуса рода Амалов, так как и притязания Теодориха, и исторически подкрепляющие их сведения из «Гетики» в конечном счете происходят из одного и того же окружения – собственного царского двора Теодориха⁸. Если это признать и начать «копать» в источниках глубже, то немедленно

⁵ Кассиодор, *Variae* 1.1, перев. Ходжкин (1886), 141–142. Самое лучшее изложение эллинистических концепций о королевской власти и их (едва) облагороженного христианством продолжения в позднеримском периоде – Дворник (1966); Мак-кормак (1981) о регулярном разыгрывании имперского церемониала.

⁶ «Гетика» 52.271.

⁷ *Gens purpura*: напр., *Variae* 4.1:9.1:10.1–4. Поколения перечислены в *Variae* 9.25. Более полная родословная Амалов изложена в «Гетике» 14.79–81.

⁸ Иордан рассказывает о своем использовании истории Кассиодора в «Гетике» Pref. 2–3. Момильяно (1955), как известно, доказывал, что Иордан лжет, чтобы скрыть свою близость к Кассиодору. Гоффарт (1988) утверждал обратное. Обе точки зре-

появится возможность пролить больше света на реальную историю рода юного Теодориха Амала, конь которого с трудом дотащился до Константинополя в начале 460-х гг. Безусловно, мальчик был из очень знатной семьи, иначе его не отправили бы в столицу в качестве заложника. Но эта знатность оказалась и менее давней, и более ограниченной, нежели та, на которую позднее претендовал Теодорих.

Его отец был средним из трех братьев – Валамира, Тиудимира и Видимира, которые к концу 450-х гг. появляются в достаточно достоверных источниках как вожди большой группы готов, занимавшей до этого подчиненное положение, а с 440-х гг. на протяжении нескольких десятилетий до империи гуннов под властью Атиллы наводившей ужас на территории от стен Константинополя до окрестностей Парижа. Традиционное представление о роде Амалов, возникшее непосредственно из информации о том, что Теодорих закончил свои дни в Италии, основано на том, что он правил половиной всех готов – остготами, начиная по крайней мере с середины III в. н. э. Другую половину этого народа условно называют вестготами, и у них есть своя (во многом отдельная от их братьев, которыми правил род Амалов) история, тоже начавшаяся с III в. Но все это выдумка, порожденная пропагандой Теодориха. Величие династии Амалов, предшествовавшее феноменальным успехам Теодориха на самом деле, оказалось более скромным, чем то, что описывают современные толкователи, опирающиеся на более поздние притязания этого короля.

Во-первых, готы, оставшиеся в Центральной и Восточной Европе к 463 г., не были объединены. Помимо тех из них, что находились под властью отца Теодориха и двоих его братьев и обосновались в старой римской провинции Паннония на территории, расположенной вокруг озера Балатон, что в современной Венгрии, существовала другая большая группа родственных им готов, живших по договоренности в Восточной Римской империи во Фракии; довольно значительную третью группу возглавляли гунны (до 467 г.), и еще две отдельные и, по-видимому, меньшие по численности группы жили в Крыму и на восточном побережье Азовского моря. Точного числа людей, разумеется, никто не знает, но род Амалов мог возглавлять не более четверти всех готов Центральной и Восточной Европы, о которых нам известно на момент крушения власти гуннов. И это без учета совершенно реальной возможности того, что имелись и другие группы готов, о которых совершенно ничего не известно⁹.

В равной степени важно то, что неоспариваемая власть братьев Амалов над паннонийскими готами была недавней. Один отрывок недопонятого рассказа из «Гетики» демонстрирует мнимое величие Амалов, запустивших руки в «историческую кассу». В этом отрывке описываются не некие успехи гунна – завоевателя готов (названного Валамвиром), а начало карьеры настоящего дяди Теодориха – Валамира. И эта картина мозаична. В ней Валамир – далеко не самый последний в длинной череде королей, осуществляющих власть над половиной всех готов; он локтями прокладывает себе дорогу, чтобы встать во главе группы других военных вождей. Валамир начинает с того, что лично убивает некоего Винитария и женится на внучке своей жертвы Вадамирке. В то же самое время последовательно истребляется другой соперничающий род, включающий отца (Гунимунда), двух братьев (Торисмунда и Генсемунда) и внука (сына Торисмунда по имени Беремунд). После различных смертей среди представителей старого поколения Генсемунд предпочел принять неизбежное и подчинился власти Валамира, тогда как Беремунд решил выйти из числа соперников и пошел своей собственной дорогой на запад. К концу 450-х гг. высокое положение Валамира и его братьев и даже их власть над паннонийскими готами были результатом тяжелой борьбы с многочисленными соперниками,

ния имеют и других сторонников. Свое мнение я изложил более подробно в: Хизер (1991), с. 2 (1993). Два письма Кассиодора, которые относятся к этому спору, содержатся в *Variae* 9.24–25.

⁹ Фракийские готы сыграли большую роль в последовавших событиях. «Готы под властью гуннов»: Прискус fr. 49. «Крым и Азовское море»: Прокопий. «Войны» 8.4.9 и далее. Прокопий. «О постройках» 3.7.13.

которая закончилась, вероятно, после смерти Аттилы в 453 г., так как тот не терпел слишком могущественных правителей среди подвластных ему народов¹⁰.

Фактически этот рассказ превращает историю династии Амалов в довольно знакомую историю, характерную для V в. Чтобы быть неоспоримым вождем большой группы воинов, требовались сильные рычаги власти. Существует много возможных вариантов, отличающихся в деталях, но всегда означающих политику кнута и пряника: достаточно грубой силы, чтобы удерживать потенциальных конкурентов от желания рискнуть направить против тебя оружие в сочетании с обильным потоком наличных денег, чтобы пехотинцы и военачальники среднего звена были довольны – на самом деле чтобы генерировать эту грубую силу. Но и то и другое, а особенно наличность, имели свойство быть в ограниченном количестве в несложной экономике, характерной для мира за пределами границ Римской империи в Европе до прихода гуннов. Например, при раскопках неримских поселений до 400 г. все, что вы, скорее всего, найдете, – это скромное количество серебра и почти полное отсутствие золота. И дело не в том, что тогда не было золота; оно было слишком ценным, чтобы класть его в могилы умерших или терять с той или иной регулярностью.

Неримские, в основном аграрные, экономики ежегодно производили также лишь небольшие излишки, на которые можно было содержать лишь относительно ограниченное число специалистов-некрестьян. В результате и профессиональные воины, и наличные деньги, на которые можно было купить их услуги, имелись далеко не в изобилии. И лишь в весьма необычных обстоятельствах (которые включали главным образом доступ к финансам Рима честными или нечестными способами) короли государств, расположенных по ту сторону границы Римской империи, могли накопить достаточную военную мощь, чтобы править на больших территориях. Не великие императорские династии, а небольшие королевства, управляемые, по сути, военачальниками, стали естественным веянием времени. А крупные гегемонии имели тенденцию являться временными и существовали, пока были живы их особенно эффективные лидеры. Возвышение и падение гуннской империи Аттилы изменило эту ситуацию двояко. Во-первых, в неримском мире за пределами границ империи произошел выброс золота, особенно на Среднедунайской равнине гуннов. Движимые богатства римлян были главной целью военных походов гуннов, будь то военная добыча или ежегодные ассигнования (субсидии), которые увеличивались с каждой победой гуннов и достигли максимума – 2000 фунтов в год. Все это не только явствует из текстов, но и подтверждается археологическими находками – новые богатства эры гуннов представлены в многочисленных захоронениях, изобилующих золотыми предметами. Когда в середине 450-х гг. гегемония гуннов начала ослабевать, обнаружилось огромные богатства, из-за которых началась конкурентная борьба среди военных вождей вроде дяди Теодориха и его соперников, образовавших второй уровень руководства империей. И только благодаря богатству хотя и на короткий срок, но были поддержаны крупные политические структуры, возникшие из-за их конфликтов.

Во-вторых, даже после того как в середине 450-х гг. «отвалились» колеса империи гуннов, общее воздействие периода их власти – совместный результат побед Аттилы и большой концентрации людских военных ресурсов, которые он собрал для их достижения, – проявилось в том, что долгосрочное стратегическое равновесие сил на Дунайской границе должно было переместиться дальше от Римской империи. Властям Восточной и Западной Римских империй пришлось иметь дело с большими по численности и более эффективными в военном отношении вооруженными силами соседей. Это означало, что новые государства, образовавшиеся в 450-х гг. вокруг таких фигур, как Валамир, могли по праву (или не по праву!) сохранять доступ к богатствам Рима, занимая бывшие римские земли, на которых все еще существовала экономика более развитая, чем на любой другой территории за границей ранее могущественной

¹⁰ «Гетика» 48.246–252 у Хизера (1989).

империи, и устанавливая политические отношения с римским государством, которые включали выплату субсидий. По мере того как власть гуннов ослабевала – а это произошло удивительно быстро в течение десятилетия после смерти Атиллы, – и они прекратили тормозить процесс политической централизации среди подвластных им народов вроде готов, среди бывших подданных гуннов быстро образовались новые боеспособные группировки, постоянно враждовавшие между собой. Более того, они бросали алчные взгляды на «куски» бывшей Западной Римской империи и рассчитывали на потенциальные субсидии от Восточной.

Валамир последовал обоим элементам этого рецепта успеха буквально. Вскоре после устранения им ближайших соперников-готов мы обнаруживаем, что под его властью оказалась часть старой западной римской провинции Паннония, а сам он изо всех сил стремился получить иностранную помощь от Константинополя. Молодой Теодорих торопился в этот город именно как один из гарантов такой сделки, по условиям которой триста фунтов золота ежегодно отправлялись Валамиру – то самое количество регулярно поступающей наличности, которое оказывалось чрезвычайно кстати, когда вам нужно было убедить воинов, что вы заслуживаете их верности. Археологические находки совершенно ясно показывают, как Валамир и иже с ним использовали эти ценности, чтобы добиться политической поддержки. Остатки постгуннской Центральной Европы демонстрируют смесь римских импортируемых товаров, особенно амфор с вином, и некоторых очень богатых личных украшений для мужчин и женщин. Все это являлось отличным средством для упрочения власти среди потенциальных приверженцев. Взаимосвязь между представителями неримских династий, перебиравшимися на римскую территорию (или, по крайней мере, поближе к ней), и их способностью использовать римские богатства для наращивания своей власти путем привлечения гораздо большей военной помощи, чем ранее это было возможно, все еще оставалась чрезвычайно сильной, когда в V в. рухнула Западная Римская империя¹¹.

Мы видим, как она работает, например, среди вандалов и вестготов, которые основали государства-правопреемники Рима в Северной Африке, Южной Галлии и Испании в первой половине V в. И те и другие возникли как свободные союзы отдельных групп со своими собственными независимыми руководителями и стали централизованными государствами под управлением одного лидера только на римской земле. Причем централизации власти в таких группах не только способствовали возможности, открывшиеся благодаря богатству римского мира, но и тот факт, что их единство возникло в такое время, когда Западная Римская империя осталась еще достаточно сильной для того, чтобы уничтожить их. Исторические подробности, сохраненные нашими источниками, ясно дают понять, что этот негативный импульс сыграл главную роль в том, чтобы заставить изначально независимые группы (в них объединялись и вандалы, и вестготы) преодолеть свою стародавнюю традиционную разобщенность и создать политические отношения, ставшие основой для новых политических группировок.

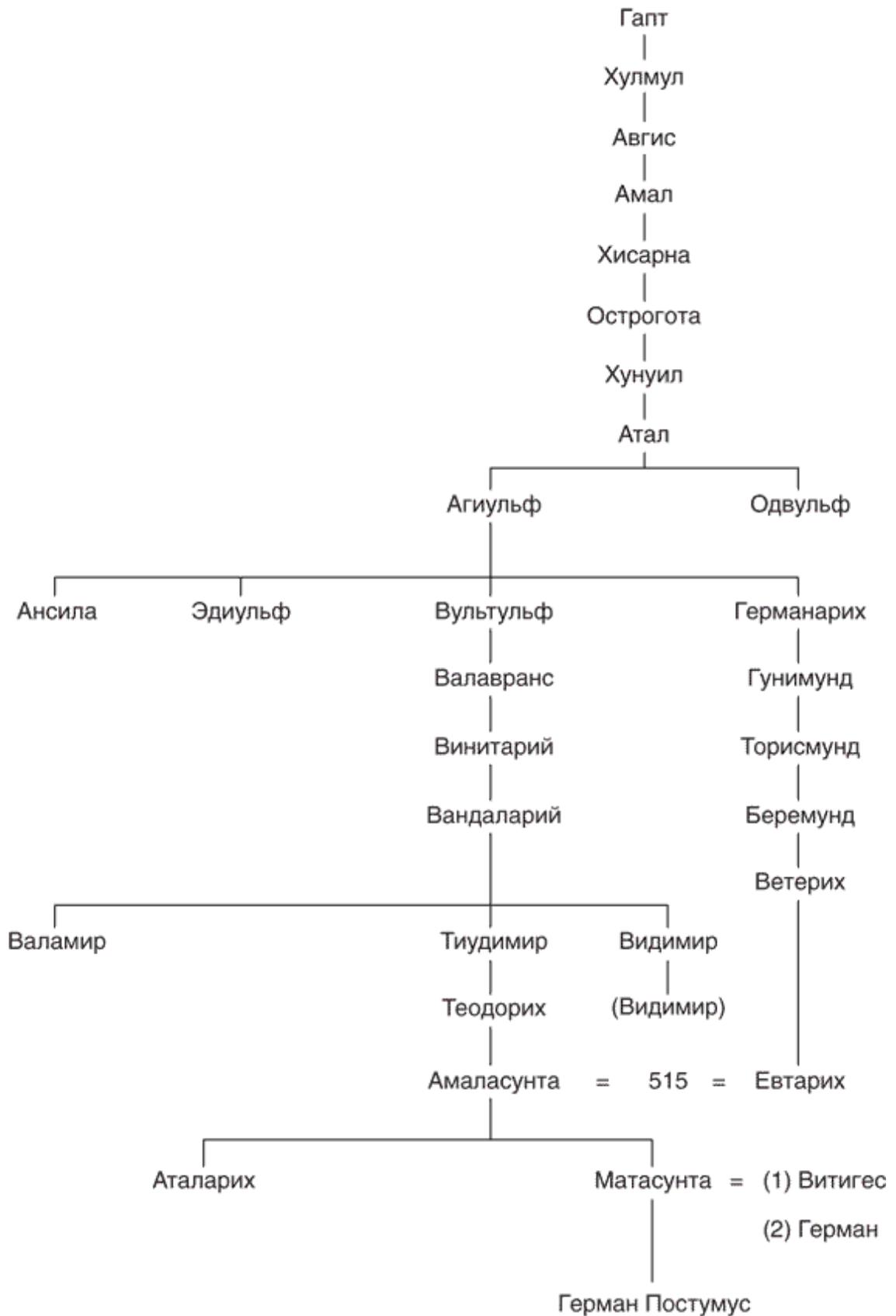
Во многих отношениях ближайшей аналогией истории династии Амалов является франкская династия Меровингов, власть которой, как и власть рода Теодориха, была постримским феноменом, возникшим на фоне отсутствия какой-либо существенной угрозы со стороны империи. В этом случае история, изложенная епископом Григорием Турским в 590-х гг., дает точную ссылку на источник. В эпоху краха Западной Римской империи представитель династии Меровингов Хильдерик достиг значительных высот власти на территории, которая сейчас является Бельгией, и позволил своему сыну Хлодвигу унаследовать в 480 г. довольно могущественное королевство с центром в городе Турне. В последующие годы Хлодвиг распространил власть Меровингов на довольно большие территории Франции и неримские земли к востоку

¹¹ Триста фунтов золотом в год, получаемых Валамиром: Прискус fr. 37. Контраст между видимым богатством черняховской культуры IV в. при главенстве готов и золотом периода гуннов потрясающий. Ср., напр.: Хизер (1996), с. 3 с Бирбрауэр (1980) или Бона (1991). Хизер (2009), с. 5 показал более широкое влияние подъема и падения империи гуннов более подробно и со всеми ссылками на существующие знания.

от Рейна. Он также осуществил переход к католицизму. В политических мифах современной Франции обе эти его заслуги возвели его на пьедестал как «основателя нации». По крайней мере, не менее важным фактом биографии Хлодвига, чем его территориальные завоевания (на мой взгляд, даже главным), было то, что он уничтожил целый ряд своих соперников-военачальников, а их уцелевших сподвижников прибавил к своим собственным. Согласно рассказу епископа Григория, третий представитель династии Меровингов устранил не менее семи своих конкурентов. По крайней мере несколько из них были его родственниками по боковой линии (что может быть справедливо и в отношении некоторых соперников, отправленных на тот свет Валамиром), и не случайно Григорий заканчивает историю речью, которую Хлодвиг должен был произнести на ассамблее франков: «Как печально, что я живу среди чужих людей, как какой-нибудь одинокий странник, и у меня не осталось родственников, чтобы помочь мне, когда угрожает беда!»

Епископ комментирует эти слова с характерным для него мрачным чувством юмора: «Он сказал это не потому, что он горевал об их смерти, а потому, что таким коварным способом он надеялся найти какого-нибудь родственника, еще живущего в стране, которого он мог бы убить».

Родословная династии Амалов

Если бы Валамир был благословлен историком такого же статуса, как Григорий Турский, то вполне могло бы найтись что-то подобное, чтобы вложить в уста великого родоначальника власти династии Амалов. Безусловно, их жизненные пути шли параллельно. Но все это вновь

подводит к вопросу, с которого мы начали. Как племянник малоизвестного военачальника готов получил преимущественное право избранного Богом римского императора?¹²

Константинополь

Что думал юный заложник-гот о своем новом окружении и какой страх испытывал – об этом ничего не написано, но к 463 г. небольшой и относительно непримечательный греческий город Византия на Босфоре превратился в могущественную столицу империи. Этот процесс длился менее 150 лет, начавшись в 320-х гг. – после некоторых колебаний и ошибок – благодаря тому самому Константину, который сделал официальной религией империи христианство. В какой-то момент, имея традиционный склад ума и, без сомнения, подвергаясь влиянию старого римского утверждения, что их город был основан спасавшимися бегством остатками населения разрушенной Трои, император обдумывал вопрос о перестройке не имевших верхушек башен Илиона. В источниках также отмечается, что в другой раз Константин смело заявил, что «Сердика [София – столица современной Болгарии] – это мой Рим». Но это оказалось еще одним неудачным началом, и его выбор в конечном итоге пал на Византий, находившийся на стратегически расположенном полуострове, позволявшем контролировать движение через Геллеспонт (древнегреческое название пролива Дарданеллы. – *Пер.*) из Европы в Азию и имевшем в изобилии укромные заливы для того, чтобы поставить в них на якорь большие флотилии кораблей как в самом Босфоре, так и в бухте Золотой Рог, извивавшейся вдоль его восточного побережья.

Для первого поколения горожан это решение Константина не считалось важным. Многие постройки наполовину были возведены к моменту смерти императора в 337 г.; он с трудом уговаривал богатых землевладельцев Восточной Римской империи переселиться в его новую столицу, и главную проблему, связанную с водоснабжением, еще только предстояло решить. Как и на многих полуостровах Среди земного моря, здесь в 320-х гг. было трудно накопить достаточно воды для удовлетворения всех нужд даже нескольких тысяч жителей Византия, не говоря уже о больших массах людей, принадлежавших ко всем общественным классам, которые толпами стекались в столицу империи со всеми ее возможностями – рабочими местами, бесплатной раздачей еды и расточительными развлечениями, часть которых еще только ожидали. Фактически многие римские императоры с течением лет превращали свои любимые города в новые столицы, существовавшие, быть может, одно или два поколения в лучшем случае, прежде чем новые обстоятельства приводили к изменению в дальнейшем их политического и административного статуса.

Константинополь оказался исключением. Два главных политических события при сыне Константина Констанции II определили постоянное местоположение политической власти в новых стенах столицы. Первое – новый император учредил там для восточной половины Римской империи сенат, который должен был соответствовать величию своего аналога в Риме. На этот раз стимулов оказалось достаточно, и богатые землевладельцы Восточного Средиземноморья вереницей поспешили в новые дома, к новым обязанностям и почестям на берегах Босфора. С этого времени сенат Константинополя стал главной политической аудиторией для имперской политики; его члены являлись людьми, которым нужно было рекламировать и оправдывать только политику и чье важное положение в домашних провинциях, из которых они прибыли, делало их поддержку инициатив императора в *sine qua non*¹³ для их личной успешной реализации. Второе – в IV в. вообще происходило постоянное расширение размеров центральных бюрократических учреждений империи. Это имело место в равной степени и на

¹² Более подробно о вандалах и вестготах см.: Хизер (2009), с. 4. Хлодвиг: Григорий Турский. «История франков» 2.40–42.

¹³ То, без чего нельзя обойтись (*лат.*).

востоке, и на западе страны, но в восточной ее половине все новые учреждения надежно располагались в Константинополе и привлекали туда важных служащих с новыми функциями. Такое двоякое развитие событий привело к тому, что центральную власть невозможно было эффективно осуществлять ни из какого другого места Восточного Средиземноморья. В результате автоматически появилось желание и разрешить все логистические трудности центральной власти, и обеспечить новую столицу соответствующим спектром удобств и удовольствий. Поэтому к тому времени, когда Теодорих прибыл в Константинополь, из куколки, которым был некогда этот небольшой греческий городок, появилась удивительная бабочка-столица¹⁴.

Приехав с северо-запада по главной военной дороге через Балканы, юный гот вступил в город через Харисийские ворота – самые северные из главных ворот, ведущих через стены, построенные императором Феодосием и защищавшие Константинополь. Редко какой город был так хорошо защищен. Первое препятствие – ров шириной 20 и глубиной 10 м; за ним (еще 20 м ровной местности) следовала внешняя стена толщиной 2 м у основания и высотой 8,5 м, усеянная в общей сложности 96 башнями, расположенными на расстоянии 55 м друг от друга. За ней была еще одна терраса шириной 20 м, прежде чем вы, наконец, подходили к мощной главной стене толщиной 5 м и высотой 12 м, усиленной еще 96 башнями, размещенными так, что они находились между башнями внешней стены; и эти башни имели в высоту 20 м от основания до бойниц. Построенные в период до и после 410 г. и все еще довольно заметные в современном Стамбуле, стены были такими крепкими, что защищали от сухопутных атак на город до тех пор, пока однажды пушка не пробила брешь, в которой, согласно некоторым рассказам, 23 мая 1453 г. пал в бою последний византийский император Константин XI¹⁵.

У Теодориха не было пушки, да и ни у кого ее не было в V в., так что на восьмилетнего мальчика городские укрепления могли произвести впечатление только неодолимой силы. Ему предстояло узнать, что они оказались более чем крепкими, чтобы держать на расстоянии предводителя гуннов Аттилу менее чем двадцатью годами раньше. Линия стен, по понятным военным причинам построенная на возвышенности, достигала максимума на севере – именно отсюда и въехал в город Теодорих. Проехав ворота и арку, он увидел перед собой всю столицу империи.

Первое впечатление могло стать потрясением. Теодорих только-только приехал со Среднедунайской равнины, расположенной к западу от Карпат (современная Венгрия), где провел первые годы своей жизни. В период расцвета Римской империи это был сильно укрепленный приграничный регион, который благодаря вложению в его развитие имперских средств в I–IV вв. достиг экономического процветания. На границе, проходившей вдоль русла реки, располагались лагеря легионеров, вокруг которых выросли настоящие города римлян, а сельскохозяйственный потенциал этой территории использовали ушедшие в отставку легионеры, новые поселенцы из Италии и местное население, превращавшееся в полностью оплачиваемых римлян. Как выявили многочисленные раскопки, в тот период регион мог похвастаться обнесенными стенами городами, храмами, а когда пришло христианство – соборами, театрами и амфитеатрами, акведуками, сетью дорог, статуями, городскими советами и виллами в большом изобилии. Но это было до кризисных лет Западной Римской империи, а к середине V в. все виллы были разрушены, за исключением горстки сильно укрепленных (возможно, изначально имперских), которые новые правители этой местности приспособили для своих целей. Здесь по-прежнему оставалось многочисленное население, и какая-то его часть проживала на старых

¹⁴ О политике создания города см.: Дагрон (1974), Хизер и Монкур (2001) о создании сената и его последующем использовании. У Грига и Келли (2012) есть полезная дополнительная информация.

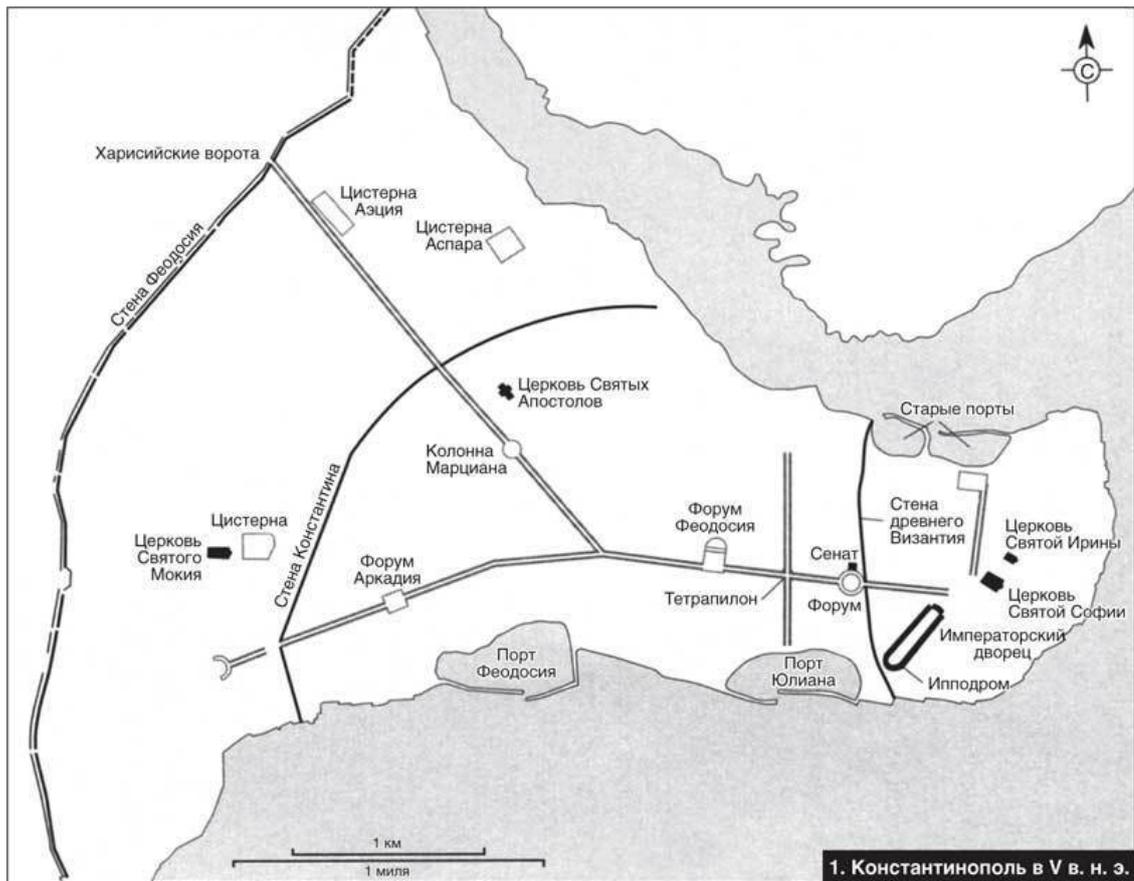
¹⁵ Его тело так и не было найдено, что породило много романтических историй, особенно легенду о мраморном императоре, который, как современный король Артур, проснется, чтобы отнять Константинополь у турок. См.: Николь (1992).

местах, но нигде уже не сохранилось ничего от старых форм культуры, так что каменная кладка и статуи быстро превращались в булыжники, а тоги были спрятаны навсегда¹⁶.

Сильный контраст между обломками старых римских провинциальных процветающих городов и неумеренным великолепием столицы Восточной Римской империи – Константинополя середины V в. поразил Теодориха. Первое, что потрясло его, были размеры самого города. Хронологически стены Феодосия были уже третьими. Стены древнегреческого Византия окружали приблизительно прямоугольное пространство на оконечности полуострова площадью около 2×1,5 км (карта 1). Стены, построенные Константином в 320-х гг., более чем утроили защищенное пространство, а императором Феодосием – снова увеличили его более чем вдвое. Но не все здесь было застроено: еще оставались большие огороды и парки, особенно между стенами Феодосия и Константина, но обычный римский город, населенный, наверное, 10 тысячами жителей, к 463 г., вероятно, стал крупнейшим в Средиземноморье, с населением предположительно более 500 тысяч человек.

Попутно решались большие логистические задачи. Так, одна из самых насущных проблем попала в поле зрения Теодориха слева от него, когда он отъезжал от ворот. Пространство между стенами Феодосия и Константина вмещало три огромных городских водохранилища, одно из которых – цистерна Аэция находилась рядом с дорогой, по которой ехал Теодорих (остатки этих цистерн можно было увидеть на момент написания этой книги: на месте каждой из них находятся временное на вид жилье и пара футбольных полей). Эти искусственные водохранилища дополняли подземные цистерны меньших размеров (общее их число превышало сотню), которые могли хранить более миллиона кубических метров воды. Но это была только часть проблемы водоснабжения. Чтобы поддерживать уровень воды в этих резервуарах, из города выходил, извиваясь, акведук длиной 250 км, как веер, развертывающийся на север и запад, чтобы улавливать идущие с Фракийских гор дожди. Как и с водой, механизм решения проблемы продовольствия находился буквально перед глазами Теодориха: впереди слева располагались две небольшие гавани древнегреческого города, а прямо впереди – две новые и большие, построенные императорами Юлианом и Феодосием для приема кораблей с зерном, поставки которого, особенно из Египта, кормили столицу. Вдоль каждой гавани располагались огромные склады с продовольствием.

¹⁶ Альфельди (1974); Мокси (1974); Ленгиель и Радан (1980) остаются самыми лучшими источниками, хотя с той поры было получено много новых знаний; см., например: Кристи (1995); Уитби (2000).

Обратились ли мысли восьмилетнего гота, приехавшего с руин провинциальной Паннонии, к проблемам снабжения продовольствием и водой полумиллиона человек. На мой взгляд, сомнительно. Более вероятно, что его взгляд остановился на удивительных древних памятниках города, которые заставили бы казаться маленькой любую развалину, которую он видел у себя на родине или по пути в Константинополь. Первой на глаза ему попала церковь Святых Апостолов – место захоронения императоров и хранилище черепов святых Андрея, Луки и Тимофея. Теодорих был христианином, так что это собрание святой силы имело для него большое значение, да и сама постройка была великолепной. Дорога тогда проходила мимо триумфальной колонны со статуей императора Марциана, победившего Атиллу (часть этой колонны еще можно увидеть), а затем привела Теодориха к Капитолию – официальному центру города. Здесь один мраморный монумент сменял другой с ошеломляющей быстротой: форум Феодосия (ныне площадь Баязет) еще с одной колонной и триумфальной статуей (самого Феодосия, разумеется), массивный комплекс триумфальной арки Тетрапилон, круглый собственно форум со зданием сената и, наконец, огромный императорский ипподром, дворцовые постройки и императорские храмы Божественной Мудрости и Божественного Мира – Святой Софии и Святой Ирины. В 463 г. они были не знаменитыми церквями с куполами, которые можно увидеть в современном Стамбуле, а их предшественниками – прямоугольными классическими церквями-базиликами со слегка наклоненными крышами без каких-либо куполов на горизонте. История о том, как их заменили на другие постройки, будет играть главную роль в главе 3, а сейчас достаточно признать, какое, вероятно, ошеломляющее впечатление все это производило. Когда Теодорих проехал сквозь Харисийские ворота, город был великолепен, ослеплял

мраморными фасадами, бронзовыми крышами и позолоченными статуями. Степень контраста со всем, что он когда-либо видел, могла быть только сильно дезориентирующей¹⁷.

Особенно если у вас есть дети, вполне естественно подумать о Теодорихе как об известном вам ребенке. Краткая сверка с данными моих собственных сыновей дает мне информацию о том, что средний восьмилетний мальчик в Великобритании в начале тысячелетия имел рост около 128 см и вес около 28 кг. Большинство восьмилетних детей могут сосредоточиться короткое время, имея изобилие энергии и «встроенную» потребность в частом вводе (в небольших количествах) стимулов, еды и любви. Но Теодорих был принцем королевской крови, и, значит, ему посчастливилось (или нет) иметь воспитание, которое лучше, чем других, подготовило его к эмоциональной депривации и пребыванию на публике, чего требовала его новая жизнь в Константинополе.

Он был самым старшим ребенком мужского пола из всех детей, произведенных на свет тремя братьями, что, очевидно, и явилось причиной, по которой его отправили в Константинополь как гаранта договора. У Валамира, по-видимому, не было детей мужского пола (психолог-дилетант может задаться вопросом: не имеет ли к этому отношение тот факт, что он убил дедушку своей жены). Но даже если они у него и были, это не помешало бы Теодориху с самого начала получать воспитание потенциального вождя. На тот момент власть над паннонскими готами все еще делили между собой Валамир и его братья. Тогда не существовало права первородства, и любой ребенок мужского пола мог быть потенциальным вождем. К тому же перечень служебных обязанностей последнего был таким специфическим, а обязанности – такими опасными, что нужны были альтернативы под рукой на тот случай, если наступит ранняя смерть избранника или его характер не подойдет для их выполнения. Вам не только пришлось бы сидеть на коне перед боевым строем в минуту испытаний, но и внушать большому количеству альфа-самцов чувство уверенности, достаточное для того, чтобы они с энтузиазмом последовали за вами в гущу сражения. Это требует от человека не только физической силы и личной отваги, но и заразной харизмы, которая идет от уверенности в себе, в сочетании с достаточными умственными способностями, чтобы принимать решения о том, вести (и как именно) или нет те или другие сражения.

Порядок наследования в таких обстоятельствах редко идет от отца к старшему сыну. Исследователи часто критиковали современных Меровингов за то, что у них не развилось право первородства, так как история наследования в этой династии – это череда повторяющихся распрей. Право первородства может быть только тогда, когда личные качества сына не имеют большого значения, то есть когда вождь не настолько яркая и харизматическая личность. Войска не захотят, чтобы в бой их вел или поэт, например, или – по крайней мере, не более чем однажды – глупец-мачо, который может быть крупным и харизматичным мужчиной, но будет бросать их в безнадежные сражения с ничтожными шансами. Самая лучшая известная мне аналогия с раннесредневековым наследованием приведена в «Крестном отце», в котором главные помощники и независимые руководители второго ранга вроде Тома Хагена, Люка Брази и Питера Клеменца тщательно оценивают качества разных сыновей Вито Корлеоне. Полагаю, что особенно тщательно следовало подумать о лучших и худших сторонах природы самого старшего из трех сыновей:

«У Санни Корлеоне была сила, была храбрость. Он был щедр и великодушен. И все же в нем не было сдержанности его отца, а вместо нее – вспыльчивость и горячность, которые приводили его к ошибочным решениям. И хотя он оказывал огромную помощь своему отцу в его деле, много было таких людей, которые сомневались, что он станет его наследником»¹⁸.

¹⁷ Кроук (2005) обратил ход моих мыслей к приезду юного Теодориха. Самое лучшее (и удивительно краткое) руководство к археологическому развитию города принадлежит Манго (1985) со всеми ссылками.

¹⁸ Марио Пьюзо (1969), 16.

В конце концов, гораздо более спокойный, но более рассудительный и такой же смелый третий сын демонстрирует бесконечное превосходство перед своим харизматичным, но безрассудным старшим братом, тогда как у среднего сына нет таких качеств, чтобы считаться претендентом. Возглавлять вооруженную группу людей, большую или маленькую, было большой ответственностью, и потенциальные наследники всегда находились под наблюдением.

Поэтому жизнь Теодориха на родине вряд ли вела к развитию сентиментальности даже у восьмилетнего ребенка. Нам известно, что у него были родные братья и сестры, хотя неясно, родились ли они уже к 463 г., но скорее всего – это плоды разных союзов. Даже военачальники, кровь в жилах которых была лишь наполовину королевской, образовывали свои брачные союзы исходя не только из политической необходимости, но и из любви или желания, и часто одновременно – путем брака и внебрачного сожительства, как диктовали обстоятельства. Иногда все шло не так, как планировалось. По общему мнению, гепидская принцесса Розамунда убила своего мужа – короля Ломбардии Альбойна за то, что тот слишком много хвастался тем, что сделал из черепа ее побежденного отца винный кубок. Нет никаких письменных свидетельств о том, вынашивала ли Вадамирка какую-либо месть по отношению к Валамиру, но даже в тех случаях, когда жизнь в королевской семье не была такой обременительной, напряженные взаимоотношения между женами, любовницами, их естественные амбиции, касавшиеся их разных детей, превращали развитие ребенка в V в. даже в не очень значительной королевской семье в жизненный опыт, миллионами миль отделенный от норм и надежд современной нуклеарной семьи. И это если не принимать в расчет натянутые отношения между тремя братьями. Валамир, Тиудимир и Видимир, возможно, договорились разделять власть при жизни, но это не означает, что они хотя бы отдаленно договорились о том, что будет потом (всякий, кто вместе с кем-то унаследовал что-то от родителей, а затем вынужденный размышлять о следующем поколении, я уверен, узнает эти переживания). Иордан пишет, что отец Теодориха не хотел, чтобы Валамир использовал того как заложника, и в этом есть отзвук правды. Старший брат вполне мог хотеть, чтобы его племянник находился вдали, в Константинополе, и не мог сделать ничего, что завоевало бы его уважение у второстепенных вождей (они могли сделать его естественным наследником на следующее поколение, а еще, быть может, он надеялся на то, что у него тем временем появятся свои сыновья¹⁹).

Некоторые из этих мыслей, возможно, далеки от истины, но их общая траектория, безусловно, верна. Через Харисийские ворота проехал не обычный восьмилетний мальчик – вероятно, обеспокоенный и встревоженный, но его воспитание гарантировало, что он был необычайно закален. Что именно он делал на протяжении последующих десяти лет в Константинополе, осталось незадокументированным, но из многочисленных примеров других заложников, находившихся при дворах римских императоров в предшествующие годы, мы имеем очень хорошее представление о том, какая могла быть программа их пребывания. Так как Теодорих находился там, безусловно, как гарант того, что готы Валамира будут уважать новый договор, и угроза его казни, если бы что-то пошло не так, оставалась достаточно серьезной, то намерения римлян в отношении заложника были гораздо более амбициозными. Если быть кратким, то они стремились «пробраться в мысли» королевских заложников, чтобы сделать их сговорчивыми и полезными в дальнейшем. Они рассчитывали породить у них смесь искреннего восхищения чудесами римской цивилизации и благоговения осведомленных людей перед силой Римской империи, чтобы, вернувшись в конце концов на родину, бывшие заложники оказывали влияние на иностранную политику своего государства в направлении, которое служило бы интересам римлян.

¹⁹ Розамунда: Павел Диакон. «История лангобардов» 4.28. См.: «Гетика» 52.271 о разделении мнений по вопросу отправки Теодориха в Константинополь.

Находясь, безусловно, под наблюдением, но окруженный своей свитой, Теодорих прошел бы по крайней мере часть стандартной программы обучения для знатных римлян (как упоминается в письме к Анастасию). Долгосрочный план в конечном итоге состоял в том, чтобы сформировать его убеждения, а какой есть лучший способ привить соответствующие ценности, если не римское образование. Его также не ограничивали бы в перемещениях при дворе и по городу; он мог бы посещать цирки, театры и церковь тоже, так как в Константинополе на тот момент еще существовала особая община неникейской церкви. Он даже мог бы быть прикреплен к римской армии и поучаствовал бы в паре боевых операций, когда стал бы постарше. В общем, хотя над ним и нависала слабая тень – на самом деле он все же был заложником, – ему были даны все возможности, чтобы узнать обо всем, что касалось римлян, в надежде на то, что это сделает его надежным партнером, если и когда он унаследует трон, вернувшись на родину²⁰. Но какова бы ни была образовательная программа, предложенная Теодориху, она явно не сработала. В течение пяти лет после своего возвращения в Паннонию, будучи молодым человеком чуть старше двадцати лет, он вернулся к стенам Константинополя: на этот раз во главе армии из 10 тысяч человек. Как это случилось и какой сбой произошел в его образовании?

Сингидунум

Нет такой стратегии, которая работает всегда. Люди отвечают на любой стимул тем или иным экстремальным способом – полным принятием или полным непринятием, – а большинство, вероятно, предпочтет нечто среднее, выбрав некоторые идеи (представления, планы, цели, замыслы) и отвергнув другие. В случае Теодориха Амала факты наводят на мысль о том, что мы имеем дело с поразительно сложной реакцией человека, который оценил всю значимость императорской власти и многочисленные преимущества идей и административных структур римлян. И в то же время он ни в коей мере не был утрачен тем, что видел, а вместо этого рассчитывал извлечь выгоду из тщательно отобранных элементов *Romanitas*. Ко всем этим выводам нужно было прийти (личных дневников Теодориха нет), но основная тема громко заявляет о себе и ясна из его последующей карьеры.

Почему Теодорих возвратился домой в возрасте именно восемнадцати лет – неясно. Очевидно, он считался вполне взрослым, однако, по римским законам, человек становился совершеннолетним в двадцатипятилетнем возрасте, но мы не знаем, каковы были обычаи готам на этот счет. Есть две основные возможности: либо дату возвращения вписали в изначальный договор, либо она возникла ввиду неотложных обстоятельств. Если дело в них, то сами собой вырисовываются два направления мысли. Первое: к началу 470-х гг. Валамир умер – он был убит в одном из сражений с соперниками за гегемонию, которыми полна история Среднедунайского региона после Атиллы. Это сделало не только отца Теодориха Тиудимира выдающимся вождем паннонийских готам, но и самого юношу как старшего сына своего отца – потенциальным ближайшим наследником, так как Валамир, по-видимому, не произвел на свет детей мужского пола.

Но смерть Валамира могла иметь место еще в середине 460-х гг., что лишило бы ее роли пускового механизма в возвращении Теодориха, да и в самом Константинополе к началу 470-х гг. также уже происходили важные события. В течение предыдущих двадцати лет великим политическим деятелем, «делавшим» королей, являлся военачальник и патриций Аспар. Его неримское (аланское) происхождение не давало ему возможности (похоже, что это и его собственное мнение) самому сесть на трон, но его занимали императоры Марциан (вероятно, 450–457) и Лев I (с 457 г.), а его исключительное положение в Константинополе было непререкаемым. Он также имел особенно тесные связи с большой группой фракийских готам, которые

²⁰ Браунд (1984), особенно с. 9-31.

составляли большую часть вооруженных сил Восточной Римской империи на Балканах и обеспечивали ему необходимое военное влияние – не в последнюю очередь в виде войск столичного гарнизона, отпугивавших любых возможных соперников.

Все это продолжалось до тех пор, пока император Лев не начал плести интриги с целью обрести от Аспара независимость и использовал вождей недавно набранных изаурийских войск из гористых районов Таврских гор (современная Турция) в качестве противовеса его власти. Главная вербовочная кампания началась в этом регионе в 440-х гг., когда империи нужно было увеличить свои вооруженные силы для отражения Атиллы, а к 460-м гг. политические последствия этого шага стали уже очевидными. Самая видная фигура среди изаурийцев – Зенон (*греч.* хепон – незнакомец, гость, как в хепophobia – ненависть к чему-то чужому, незнакомому) впервые появляется в 466 г., когда дискредитирует сына Аспара Ардабурия, а затем быстро поднимается вверх по карьерной военной лестнице, вступая по мере продвижения в необходимые контакты. К 471 г. император и изауриец были готовы нанести удар. По имеющимся данным, побуждаемый Зеноном Лев приказал зарезать Аспара во дворце, заработав прозвище *Macelles* – Мясник. Этот шаг вызвал немедленное восстание фракийских готв, не ставшее неожиданным. Однако, подобно многим людям в схожих обстоятельствах до и после него, Лев обнаружил, что полагаться на кого-то для спасения от нежелательной зависимости – не такая уж хорошая стратегия. Зенон женился на дочери Льва Ариадне, и их сын Лев II стал наследником трона, так что один «серый кардинал» сменил другого. Стал ли Мясник крепче спать по ночам – история умалчивает²¹.

В разгар этого хаоса, и, возможно, даже из-за него, изначально две отдельные друг от друга цепочки событий быстро переплелись и стали неразрывны в результате того шага, который решился сделать наш гот-новичок. По возвращении в Паннонию самой насущной необходимостью для Теодориха было установить законность своего положения как сына своего отца и потенциального вождя местных готв. Неудивительно, что мы быстро обнаруживаем его в роли командующего грабительской экспедицией во владения сарматов, которые занимали территорию вблизи древнеримского города Сингидунума (современный Белград). Сарматы когда-то были агрессивными, но в поздний античный период стали для всех излюбленными «мальчиками для битья». В схожих обстоятельствах, осенью, после ужасного поражения римлян под Адрианоподем будущий император Феодосий I «отыгрался» на сарматах, чтобы продемонстрировать, что Бог на его стороне. Почти сто лет спустя Теодорих выбрал ту же жертву. По словам Иордана, который, вполне вероятно, снова вторит Кассиодору, он организовал эту экспедицию без ведома своего отца, но я не верю ни одному этому слову. После такого большого перерыва, когда столько стояло на кону после смерти Вала-мира, не оставившего отпрыска мужского пола, у отца и сына был совместный интерес в том, чтобы доказать надежность Теодориха. Это в достаточной мере сделали сарматские «рабы и сокровища», с которыми тот возвратился²².

Не только сарматы были повержены, но и сам Сингидунум стал знаменательным приобретением. Ведь недавно возвратившийся Теодорих, движимый честолюбием, убедил своего отца, что политические беспорядки, вызванные убийством Аспара, предоставляли возможность, которую нельзя было упустить и за которую паннонийские готы ухватились обеими руками. Как это бывает в случае по-настоящему важных решений, факты наводят на мысль, что в игре был задействован ряд мотивов. Во-первых, временное пребывание Теодориха в Константинополе, вероятно, вбило ему в голову мысль о скованном положении готв в Паннонии на тот момент. Здесь они были вовлечены во внутрирегиональную борьбу за власть с рядом других военизированных групп, появившихся здесь после крушения военной машины Атиллы, – ругами, свевами, скирами, гепидами, аланами, не говоря уже о несчастных сарматах

²¹ О Льве, Аспаре и изаурийцах см.: Брукс (1893); Томпсон (1946); Скотт (1976); Стейн (1949), с. 10, (1950), с. 1.

²² «Гетика» 55.282 и далее; ср.: PLRE 1, 905 – ссылки на победу Феодосия над сарматами.

и военных отрядах гуннов под командованием разных сыновей Атиллы. Атила хотел объединить их всех (собирался сделать это) и направить их на римлян, получая очень большие суммы в золотых слитках и других видах ценностей, которые, как мы уже видели, столь эффективно появляются в этом регионе в археологических находках гуннского периода. Но если эта борьба не прекратилась бы, то приток новых богатств в регион быстро иссяк бы, так как эти группы уже больше не действовали сообща. Новые внутрорегиональные конфликты, которые пришли на римскую территорию на смену дальним походам с целью обогащения, оставались такими же трудноразрешимыми и быстро превратились в борьбу за все уменьшающиеся трофеи (так как существующие богатства хоронили вместе с умершими). Именно в одном из таких сражений и пал Валамир:

«[Он] ехал на коне перед строем, чтобы воодушевить своих воинов. Конь был ранен и упал, сбросив седока. Валамира быстро пронзили копья его врагов, и он был убит»²³.

Тот факт, что его сторонники, как отмечают источники, крепко отомстили за него, мало утешил бы короля, умершего такой нехорошей смертью. Перспектива продолжать бесконечную борьбу за влияние на Среднем Дунае, за власть над убывающими богатствами, вероятным исходом которой будет в конечном счете страшная смерть, не впечатляла вернувшегося Теодориха. Константинополь открыл ему глаза на гораздо больший мир.

Восстание фракийских готов, в частности, дало для вождей паннонийских готов реальный повод подумать о том, что перед ними открывается волнующая возможность – только руку протяни. Чтобы понять природу восстания, необходимо понять то высокопривилегированное положение, которое занимали фракийские готы в Восточной Римской империи. Солдаты-варвары сами по себе не были какой-то диковинкой в римских армиях в любые времена. Со времен императора Августа по крайней мере половина вооруженных сил империи состояла из ее неграждан. Однако в позднеримскую эпоху заключался новый вид договора, согласно которому неримлянам разрешалось селиться на римской территории, где они навсегда попадали в армейские списки под командование своих собственных вождей и сохраняли в значительной степени юридическую и политическую (а отсюда, возможно, и культурную) автономии. Это сильно контрастировало с более давними периодами: тогда солдаты из варварских племен в римской армии всегда служили под командованием офицеров-римлян, а отряды, набранные из государств, расположенных у границ Римской империи и возглавляемые собственными вождями, считались временным подкреплением в конкретных военных кампаниях. Ведется много споров относительно того, когда впервые возникла эта новая договоренность, в результате которой появились отряды, известные римлянам как *foederati* (часто переводимые на английский язык как «союзники», хотя это слово используется гораздо шире). И хотя развитие этого процесса шло поэтапно, вполне возможно, что впервые такие договоренности в полном объеме применили именно в отношении фракийских готов. Изначально они были группой подданных гуннов, выведенной из-под власти их хозяев римской военной операцией в Паннонии в 420-х гг. и обосновавшейся во Фракии. Для римлян выгода оказалась двоякой: численность войск гуннов значительно сократилась, а их собственных – увеличилась. Для готов слишком агрессивное иго гуннов сменилось на привилегированное положение на территории Восточно-Римского государства.

К тому времени, когда Теодорих сам наблюдал все это в 460-х гг., данные отношения уже пережили второе и третье поколения, и их преимущества для фракийских готов стали очевидны. Во-первых, плата была вовсе не высока. Там, где Валамир сумел получить от Константинополя 300 фунтов золота в год по договору, отправившему его племянника ко двору императора Восточной Римской империи, вождь фракийских готов получал в год сумму в семь

²³ «Гетика» 53.276; ср.: Хизер (2009), 246 и далее – более подробный рассказ о негативных последствиях после краха военной машины Атиллы.

раз большую в качестве платы за службу своих соплеменников. Фракийские готы также имели очень хорошие связи при дворе. К началу 470-х гг. их верховным вождем был человек, который тоже носил имя Теодорих – удивительное, если не сказать сбивающее с толку, совпадение, можете вы сказать, за исключением того, что на готском языке это имя означает «король народа», так что это достаточно подходящее имя для любого уважающего себя принца. У фракийского Теодориха имелось прозвище – Страбон Косой, которое можно использовать, чтобы избежать путаницы. Мы знаем, что Страбон являлся племянником жены Аспара, так что брачный союз тесно связал фракийского вождя с великим патрицием. У финикийцев также были крепкие узы и с рядом других высокопоставленных придворных, и они составляли по крайней мере часть гарнизона города. В отличие от своих соплеменников в Паннонии им не приходилось тратить время на отражение нападений свевов, скиров и других в тщетном соперничестве за приходящий, хотя и уменьшающийся набор старых гуннских ресурсов на Среднем Дунае. Вместо этого их поселения занимали хорошие площади на Фракийской равнине, а сами они имели признанные земельные права – существенное дополнение к их ежегодному денежному содержанию²⁴.

Эта благоприятная для фракийских готов ситуация была грубо нарушена благосклонным отношением императора Льва к изаурийцам и убийством их покровителя. Совершенно ясно, почему они подняли восстание. Как обычно бывало в политике на закате Римской империи, падение такой видной фигуры, как Аспар, положило начало периоду большой политической нестабильности, и фракийское руководство, должно быть, рассчитывало, что их мятеж поможет подорвать положение изаурийцев и откроет им дорогу назад в добрые старые времена. Но они не обратили внимания на то, что молодой принц готов из Паннонии захватил все их привилегии и увидел для себя в восстании во Фракии огромную возможность для продвижения. Вот почему решение доказать свою отвагу в деле с сарматами из Сингидунума имело особое значение. Ведь Сингидунум, который Теодорих отказался вернуть под власть империи, был главным перекрестком, контроль над которым открывал основные пути на юг, на восточноримские Балканы (карта 2, с. 50). Теодорих возвратился в Паннонию с дерзким планом, согласно которому он и его отец должны были перевести их совместное предприятие целиком на территорию Восточной Римской империи и предложить себя в качестве замены бунтующим фракийцам. Вероятно, в конце лета 472 г. паннонийские готы собрались и пустились в путь на юг. Политика Константинополя, и так достаточно сложная в самые лучшие свои времена, вот-вот должна была сильно измениться.

Это решение далось им нелегко. Материально-техническое обеспечение оставалось незначительным. Теодорих и Тиудимир командовали вдвоем более чем 10 тысячами воинов, но это не была просто вооруженная группа людей, отправившаяся в путь. Националисты XIX в., пересматривая события IV–VI вв., видели в подобных группах предков народов современной Европы. В результате германские националисты, в частности принимая желаемое за действительное, видели в этой неразберихе то, что считали нравственными добродетелями своей собственной нации, и придумали идею о свободных и равных, культурно однородных группах мужчин, женщин и детей, закрытых для посторонних, переселявшихся со всем сельскохозяйственным инвентарем, скотом и народными танцами: миниатюрные народы-предки в пути, часть которых пережила такое путешествие, чтобы обрести царства, которые существовали долго, – а некоторые до этого не дожили.

²⁴ О плате: Малх из 2; Феофан АМ 5931 предполагает, что по крайней мере какая-то часть фракийских готов обосновалась на территории империи с 420-х гг. С текстом не все ладно, но он стыкуется с рядом других фактов (родственная связь Теодориха Страбона с Аспаром через брак; тот факт, что эти готы составляли гарнизон Константинополя и др.), которые подчеркивают то, насколько глубоко встроены они были в политический истеблишмент Константинополя к 470-м гг.; более подробно см.: Хизер (1991), с. 251–263.

За два последних поколения образованных людей много раз уже пересматривалась эта безнадежно романтическая картина, что привело к некоторому единодушию, но также и к непрекращающимся спорам. Единодушие, я полагаю, существует в двух областях. Первое: группы вооруженных людей не состояли из равных по социальному положению людей. Среди воинов существовали по крайней мере две иерархически ранжированные по статусу группы, и это подтверждается более или менее современными этим событиям повествовательными источниками, в которых описаны вооруженные свободные и полусвободные люди и говорится, что среди них были и невооруженные рабы (своды законов не могут дать нам какое-нибудь понимание того, какая доля населения принадлежала к той или иной статусной группе). Второе (и это отражает резкое изменение того, каким образом принадлежность отдельных людей к группе стала пониматься в более общем смысле в послевоенный период): все согласятся с тем, что отдельные люди могли полностью изменить идентичность своей группы в течение своей собственной жизни. В результате старое представление об этих группах как маленьких, культурно однородных народах-предках просто не выдерживает критики.

Однако еще два вопроса остаются весьма спорными. Первый: означает ли тот факт, что отдельные люди демонстративно меняли свою принадлежность к группе, то, что более крупные объединения людей, встречающиеся в повествовательных источниках (вроде паннонийских готов), вообще не обладали групповой идентичностью? Отрицательный ответ означал бы, что они всегда были не более чем скопищем ничем не связанных, перемещающихся с места на место разных воинов. Второй вопрос тесно связан с первым: образовывались ли эти группы только для военных действий или эти воины являлись частью общества, которое помимо всего прочего занималось сельским хозяйством и другой деятельностью?

Чрезвычайно трудно понять, где единодушие кончается, когда вы являетесь участником продолжающегося спора, и возникает вопрос: каким являюсь я в этом споре? Жюри еще отсутствует, но, чего бы это ни стоило, разрешите мне изложить свои взгляды по этим вопросам, потому что точка зрения, которую вы примете, определит то, что вы представите себе, – кто пустился в путь из Венгрии в 472 г. по старым дорогам, построенным римлянами, на юг, на Балканы. Если брать в обратном порядке: оказавшись на Балканах, принадлежавших Риму, позиции на переговорах и вождей паннонийских готов, и представителей империи, посланных договариваться с ними, недвусмысленно подразумевали, что любая договоренность об их отношениях означает предоставление готам пахотных земель на территории Римской империи, которыми они будут пользоваться самостоятельно. Иными словами, они были крестьянами в такой же мере, что и воинами. Это хорошо понятно. Профессиональные воины численностью около 10 тысяч человек могут существовать только в относительно развитой экономической среде, когда невоенным крестьянским населением производится достаточное количество излишков, чтобы кормить, одевать и вооружать их. Экономические сельскохозяйственные системы, существовавшие за пределами Римской империи, не выглядят такими продуктивными, и мы знаем, что короли в таких государствах в IV–V вв. содержали свиты из профессиональных воинов, которые насчитывали лишь несколько сотен, а не тысяч человек.

Из того, что отдельные индивиды меняли объекты своей лояльности, не следует также, что группы людей, между которыми они перемещались, не были устойчивыми. Здесь имеют значение правила и нормы, регулирующие появление и последующее поведение отдельных людей, находящихся в движении. Открыто ли членство для всех? Пользуются ли новые члены полными правами внутри группы? И включает ли членство не только обязанности, но и привилегии? Тот факт, что в эти группы явно входили воины более высокого и низкого статусов – не говоря уже о рабах, – ясно показывает, что членство было вовсе не вопросом неограниченного личного выбора человека, если только, конечно, мы не думаем, что много тысяч отдельно взятых людей в Европе V в. просто хотели быть рабами. Поэтому я бы утверждал, что военная элита внутри каждой группы по крайней мере все же имела сильное чувство групповой *поли-*

тической идентичности (носили ли они одни и те же народные костюмы и были ли у них одни и те же народные танцы, как представляли себе националисты XIX в., я понятия не имею), хотя, как и любая идентичность, даже такая могла измениться в соответствующих обстоятельствах. Но в то же время войны более низкого ранга, особенно рабы, играли гораздо меньшую роль в жизни своей группы, так что прочность присоединения отдельных людей к группе сильно ослабевала по мере движения вниз по социальной лестнице²⁵.

Так или иначе, ваш отклик на эти споры формирует вашу точку зрения на то, что собой представляли паннонийские готы в пути. Мы знаем, что в эту группу входило большое число людей, не участвовавших в боевых действиях, и обоз по меньшей мере из двух тысяч повозок. Для самозванных ревизионистов, которые видят в них свободную группу воинов, это просто обычный вещевой обоз, сопровождавший большинство армий, в котором вы найдете много женщин – жен и проституток, – детей, поваров, цирюльников, артистов и бог знает кого еще. Однако, на мой взгляд, то, что окружающие экономические структуры (а это важное различие между Европой V в. и Европой досовременных времен или даже высокого Средневековья) не могли обеспечивать большое количество профессиональных воинов, дипломатический акцент на необходимости найти сельскохозяйственные земли и тот факт, что членство в группе на высоком уровне вовсе не было открыто для всех желающих, вызывает совершенно другой образ. Скорее не на прототип современной армии, идущей на войну с обозом, а на обозы фургонов буров, громыхающих колесами по дороге на север, подальше от имперской власти Британии, с фермерами-бойцами, их семьями и всем снаряжением было больше похоже переселение паннонийских готов. В этом случае группа состояла бы из большего числа людей, не участвующих в боевых действиях, с более «обычным» распределением возрастов, которым было необходимо взять с собой все имеющее отношение к сельскому хозяйству, оружие и значительные запасы продовольствия.

Но если простое материально-техническое обеспечение означало, что любое решение переехать куда-либо не могло быть принято легко, нет сомнений в том, что в этом случае все действительно замыкалось на политику. Высокопоставленных воинов нужно было убедить, что потенциальные возможности, предоставляемые хаосом в Константинополе, являются достаточно многообещающими, чтобы сделать такое огромное усилие, стоящее всех хлопот. И опять изменение общей обстановки помогло Тиудимиру и Теодориху. Подтвержденный факт: группы населения с установившейся традицией массовых переселений в большей степени, чем оседлые группы, готовы (даже если история пропустила одно или два поколения) к тому, чтобы использовать дальнейшее переселение в качестве стратегии для своего развития. И по крайней мере военная элита – ключевая группа, которую нужно было убеждать, – имела давно установившуюся историю миграции. Они являлись потомками готов, которые совершили – возможно, в несколько более коротких этапов – одно долгое путешествие от берегов Балтики до Черного моря в III и начале IV в., и еще одно – с востока Карпатских гор до Среднедунайской Венгрии в конце IV и V в. А раз так, то их легче было убедить в том, что пускаться в путь имеет смысл²⁶.

По крайней мере, некоторых из них. Ради всех потенциальных выигрышей Теодорих склонил своего отца пуститься в эту, безусловно, большую авантюру. Пока в начале 470-х гг.

²⁵ Я изложил свои собственные взгляды на спор об идентичности, так как он имеет отношение к так называемым (римлянами) варварам позднеантичного периода, в более полной форме – см.: Хизер (2008) со всеми ссылками. Альтернативные точки зрения можно найти, например, в различных исследованиях – см.: Джиллетт (2002) и Холсэл (2007), с. 2, см. также: Хизер (2009), с. 1 и 11, чтобы найти ключевую интеллектуальную связь, которая действует в этот период между концепциями идентичности и реальностью или нереальностью крупномасштабных миграций. Ключевое доказательство того, что паннонийские готы на самом деле были склонны заниматься сельским хозяйством, предоставляет Малх фр. 18.3, с. 4305 и далее; из 20, с. 438.55 и далее; из 20, с. 446.199 и далее; и обсуждается у Хизера (1991), с. 242 и далее. Все последующие постраничные и построчные ссылки на сохранившиеся фрагменты истории Малха опираются на издание и перевод Блокли (1983).

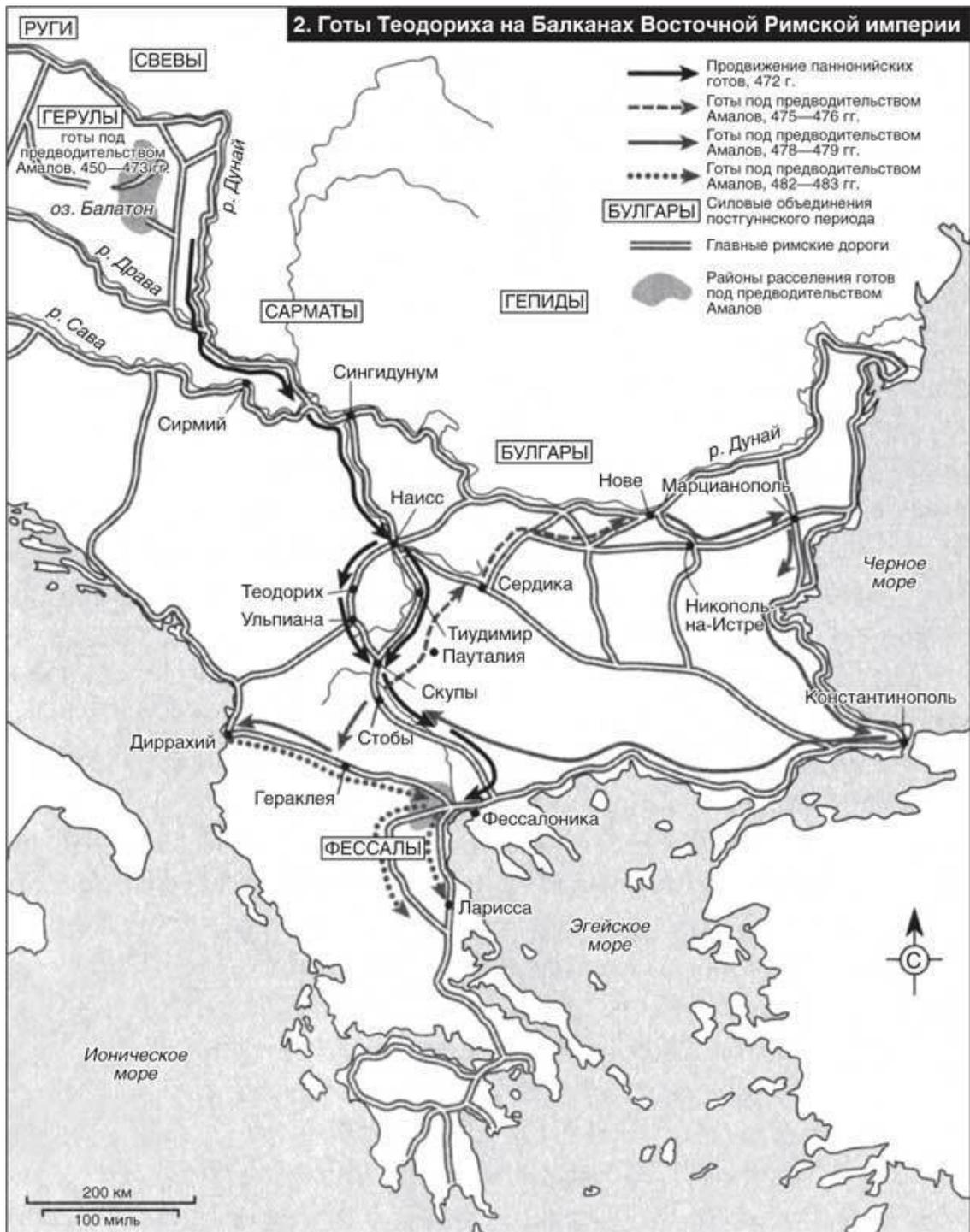
²⁶ Караван фургонов: Малх из 20, Р. 448, 1.245; ср.: Хизер (2009), 28 и далее – все ссылки на переселенческие традиции.

в Западной Римской империи, попавшей в яростный вихрь, грозивший задуть ее последние тлеющие угли, истощались денежные запасы, а следовательно, и сокращалось число солдат, ее восточная половина оставалась полна жизни. Аттила был повержен, с Персией заключен мир, а приток в Константинополь доходов от налогов из ее восточных провинций – источник жизни ее армий – был абсолютно цел. Поэтому появление на ее территории в качестве незваных гостей – даже если вы заявляете, что хотите помочь, – должно было вызвать значительные трудности, и никто в группе готов, имевший хоть сколько-нибудь мозгов, ничуть не сомневался в том, что так оно и будет. Неудивительно, что решение о перемене места жительства вызвало среди готов раскол – и очень серьезный.

В источниках конца IV–V в. зафиксировано несколько случаев, когда группы неримского населения типа паннонийских готов стояли перед соизмеримыми решениями на предмет того, перебраться ли им на новое место или оставаться на старом. Во всех случаях прилагались как положительные, так и негативные мотивы (в данном – соответственно большие богатства, потенциально доступные на земле Восточной Римской империи, с одной стороны, и уменьшающаяся нажива от яростного соперничества за главенство на Среднем Дунае – с другой), хотя баланс между ними был различным. Первых готов – тервингов и греутунгов, которые переправились через Дунай в 376 г., например, привлекло сюда, как и паннонийских готов, потенциальное богатство Римской империи, но именно жестокость гуннов заставила их тронуться с места в первую очередь. Во всех случаях, о которых есть сколько-нибудь подробные свидетельства и определенные мотивы, такие переселения вызывали политические расколы в тех группах, которые собирались их предпринять. Это отражает степень стресса, связанного с основными миграциями, даже для населения к ним привычного. Это, естественно, принимало такую форму, когда одна влиятельная группа среди вождей агитирует за переселение, а другая приводит доводы против. В случае паннонийских готов Иордан пишет следующее:

«Так как военная добыча, захваченная у одного и другого соседних племен, уменьшилась, готам перестало хватать пищи и одежды, и мир стал противен людям, для которых война давно уже приносила предметы первой необходимости. Так что все готы пришли к своему королю Тиудимиру и с великим шумом стали просить повести свою армию в каком-нибудь направлении, в каком он пожелает. Он позвал к себе своего брата [Видимира] и, бросив жребий, повелел ему идти в земли Италии... сказав, что он сам как более сильный пойдет на восток против более могучей империи».

Это еще один момент, когда Иордан по крайней мере отчасти воспроизводит подчищенную версию прошлого готов, которую Кассиодор сочинил при дворе Теодориха в Италии. Бросание жребия не только частично камуфлирует сугубо грабительские намерения, с которыми вожди готов собирались двигаться на восток, но пытается скрыть четкое разделение между ними. Третий брат Видимир был явно не рад следовать за Тиудимиром в Восточную Римскую империю, и я больше чем уверен, что Тиудимир воспользовался этим ритуалом, чтобы исключить его из состава своей группы.

Возвращение Теодориха в Паннонию во взрослом возрасте заново открыло эту вечную банку с червями, коей являлось наследственное право. Пока что власть делили три брата из рода Амалов, а когда старший из них погиб, бразды правления перешли к следующему по возрасту. Однако в поколении Теодориха такие договоренности были неприменимы, хотя он имел по меньшей мере одного брата – Тиудимунда. На мой взгляд, ясно как божий день, что Тиудимир использовал спор насчет перемещения на Балканы, чтобы представить второстепенным вождям свое решение текущей дилеммы наследования: его старший сын, недавно прибывший из Константинополя и одержавший победу над сарматами, должен быть предпочтен своему младшему брату. Никакие сомнения не обсуждались до решающего момента, так как Тиудимир не мог позволить себе потерять слишком много воинов, имея в виду грабительское втор-

жение на Балканы Восточной Римской империи, но хорошо спланированный ход сработал. Видимир (как до него Беримунд в предыдущем поколении) отправился на Запад, освободив Теодориха от необходимости доказывать собственные права, и взял с собой лишь небольшое число своих сторонников (возможно, лишь свою семью – ведь у него все же был сын, что являлось еще одной причиной для Тиудимира и Теодориха желать его ухода – и личную охрану, численностью не превышавшую нескольких сотен человек). Эти беженцы больше не фигурировали как независимая единица и вынуждены были поступить на службу к королю вестготов Эвриху в Галлии²⁷. Это завершило драматический переворот, начало которому положило возвращение Теодориха из Константинополя: вопрос наследования был решен, и паннонийские готы готовились к переходу по римским дорогам на Балканы, открывшиеся перед ними благодаря захвату Теодорихом Сингидунума.

Эпидамн

Чтобы заставить двигаться в одном направлении одновременно 10 тысяч отборных воинов вместе с их чадами и домочадцами, сельскохозяйственными орудиями труда, скотом и таким количеством личного имущества, которое могло вместиться в их многотысячные повозки, требовалась недюжинная организация. Скопления людей на дорогах должны были быть экстраординарными. Один из самых западающих в память исторических фактов, которые когда-либо мне попадались: обозу, перевозившему раненых солдат Конфедерации домой после битвы при Геттисберге, требовалось 24 часа, чтобы проехать какое-то место. Обоз готов, двигавшийся на юг через Балканы в 472 г., не мог быть короче, хотя и не являл собой такое жалкое зрелище. Проблема, с которой столкнулись Тиудимир и Теодорих, состояла в том, что с таким гигантским обозом за спиной передвижение было ограничено главными дорогами. Да и на самом деле имелась лишь одна главная дорога. Гористая местность Балкан и по сей день ограничивает путешествие несколькими магистралями. В этом случае долина Аксия (Вардарская долина) – главный маршрут. Для части его протяжения имелись два варианта, и Иордан недвусмысленно отмечает, что оба они были использованы. После взятия города Наисса (современный Нис) Тиудимир направился прямо на юг, в то время как Теодорих повел свое войско вокруг к Ульпиане через крепость Геркулий (карта 2, с. 50). Однако у них обоих был один и тот же пункт назначения – Фессалоника, столица римских Балкан и место заседания префектуры провинции Иллирикум, отвечающей за все к западу от ущелья Суччи. Здесь им оказал сопротивление патриций Илариан, посланный навстречу к ним с теми силами, которые он сумел собрать; и переговоры начались. Стратегия готов была прямая: создать угрозу Фессалонике, предложить переговоры вместо сражения и посмотреть, с чем придет империя к столу переговоров.

На этом месте повествование Иордана о событиях на Балканах довольно резко обрывается и с удивительной быстротой заканчивается радостной сценой: император и вождь готов договариваются после нескольких лет счастливого сосуществования о том, что последний переберется в Италию, потому что мир и гармония заставили немного заскучать его последователей²⁸. То ли это произошло потому, что Кассиодор пропустил то, что произошло потом, от неловкости (и такое возможно), то ли записи Иордана, как и записи многих знатоков в переломный момент повествования, стали довольно бессвязными в этом месте, когда его три дня истекли, – неясно.

²⁷ «Гетика» 56.283. Сын Видимира Видимир, возможно, получил в Галлии два письма от епископа Руриция из Лиможа: Ерр. 2.61 и 63; перевод Матисен (1999).

²⁸ Наступление на Фессалонику: «Гетика» 56.287. Отъезд в Италию: «Гетика» 57.289 и далее.

К счастью, восточноевропейские источники продолжают эту историю, и получается она удивительно запутанной. Иордан пропускает целых шестнадцать лет политических перепалок, которые были реальным фоном, предшествовавшим отбытию в конечном итоге готов в прекрасную Италию. Смелый гамбит папы и сына положил начало борьбе за власть с их соперниками во Фракии. Эта борьба не только многократно отозвалась по всем Балканам, но и с еще большей отравляющей силой растеклась по императорскому дворцу в Константинополе.

Список главных действующих лиц в эти годы длинный, но расположение их в правильном порядке с самого начала помогает объяснить, почему оказалось так трудно решить дилемму, итогом которой стало появление паннонийских готов на земле Восточной Римской империи. Прежде всего на самих Балканах существовали две группы готов – выскочки из Паннонии и давно укоренившиеся там фракийские *foederati*, которые на тот момент бунтовали, но привыкли к привилегированному положению внутри страны. Кто бы ни был у власти в Константинополе, там всегда имелись в наличии финансы (или, возможно, необходимая политическая воля) для выплаты только одной из этих групп гораздо большей ежегодной субсидии, подобающей полностью боеспособным римским солдатам-союзникам, а не грошовой подачки, обычно раздаваемой в качестве вспомоществования иностранцам. Таким образом, только одна из двух групп готов могла стать полноправной участницей правящей коалиции в любой данный момент времени (или так любили утверждать власти Константинополя). И фактически интересы вождей этих двух групп настолько противоречили друг другу, что, даже если бы удалось заплатить и тем и другим, они, вероятно, все равно вступили бы в борьбу²⁹.

В Константинополе мы видим, по крайней мере вначале, императора Льва и различных членов императорской семьи, вовлеченных, как можно было предположить, в обычную борьбу либо за сам императорский трон, либо – что присуще их высокому положению – за различные руководящие посты при нем. Эти распри происходили перед традиционной аудиторией (которая время от времени сама в них участвовала) – придворными чиновниками и сенатом империи, а также высшими эшелонами командования регулярной армии. Этот совершенно обычный состав действующих лиц в Константинополе был пополнен в 470-х гг. военачальниками новых изаурийских вооруженных сил, изначально набранных для оказания помощи в борьбе с Агтилой. И к началу 470-х гг. они действительно поднялись высоко. Самый выдающийся из них Зенон женился на дочери императора – Ариадне, и у них уже родился сын (в 467 г.), который носил бескомпромиссно знаменательное имя своего деда, наследником которого ему было явно предназначено стать. Поразительное движение Зенона вверх по карьерной лестнице, как вы помните, также напрямую стало причиной падения Аспара и восстания готов-*foederati*, так что изаурийцы и фракийские готы были в некоторых отношениях естественными политическими врагами, объединить которых сочла бы трудным любая правящая коалиция. Но здесь опять-таки осложнение: Зенон был лишь самым выдающимся из нескольких изаурийских вождей, каждый из которых возглавлял своих собственных людей и был их боссом. Поэтому Зенон не мог просто или естественным образом получить преданность других изаурийских полководцев – таких, как Иллус, а должен был добиться ее. Две группы готов и по крайней мере две группы изаурийцев удивительным образом объединились с обычными действующими лицами давно уже идущей константинопольской политической мыльной оперы, чтобы сделать годы, наступившие после 473 г., навязчивой картинкой.

К концу года уже была достигнута договоренность о начальном компромиссе. Патриций Илариан направил паннонийских готов в другую сторону от Фессалоники и дал им письменное разрешение на постой в ряде небольших сельскохозяйственных городков в округе Эвбея к западу от города (карта 2, с. 50). Но при сборе армии для противостояния Тиудимиру и

²⁹ Правило, по которому только одной группе можно было заплатить единовременно, сформулировано у Малха из 15, Р. 420, ll. 10 и далее.

Теодориху в Западных Балканах император Лев был вынужден вывести войска из Восточных Балкан, предоставив другому Теодориху – Теодориху Страбону – свободу действий. Его войска свободно перемещались между городами вдоль древней дороги Виа Игнатия; они сожгли пригород Филиппи и осадили Аркадиополь – все это чтобы оказать политическое давление на императора. Льву это быстро надоело. Фракийским готам была возвращена благосклонность императора, а Страбон был назначен на самую важную должность в имперском генеральном штабе – если быть точным, *magister militum praesentalis* – и ежегодная плата в размере двух тысяч фунтов золотом была возвращена его последователям вслед за его назначением.

Первый эффект от появления паннонийских готов, что парадоксально, выразился в том, что император срочно заключил сделку с фракийцами. Но это было сдерживающее действие, а не сколько-нибудь долгосрочное и жизнеспособное решение. Во-первых, готы под предводительством Амалов не добились никаких выгод, за которыми они шли на юг: крупные ежегодные выплаты золотом фракийским готам, на которые согласился император Лев, перекрывали кислород для чего-либо подобного для них. И что также важно, вожди обеих групп готов теперь оказывались вовлеченными в борьбу не на жизнь, а на смерть, и они это знали. Договор между Теодорихом Страбоном и императором резюмирован для нас со значительными подробностями историком Восточной Римской империи по имени Малх из Филадельфии. Договор включал весьма привлекательные условия о том, что «[Теодорих Страбон] должен стать „единственным правителем“ готов, а император не должен пускать никого, кто пожелает попасть на его территорию».

Страбон явно ощущал давление. Он не хотел, чтобы Тиудимир и Теодорих оказались на его земле и либо заявили права на его почести, либо – потенциально – привлекли к себе рядовых готов, от которых он получил свою власть. И важно понять, что такая явная возможность существовала. И хотя некоторые очень близкие доверенные лица были слишком преданы той или иной династии, чтобы так поступить, девиз многих воинов, входивших в эти группировки готов (и других неримлян), которые свободно жили на римской земле в конце IV–V вв., был таким: «Копье – внаем». Хлодвиг не только устранил своих соперников, но и расширил одновременно собственную власть, добавив большую часть их боевых отрядов к своим, и это был не отдельный случай. После 473 г. воины-готы перемещались туда-сюда между лидерами двух группировок, а, обеспечив поддержку императора своего собственного высокого положения вождя готов, Страбон просто первым получил причитающееся³⁰.

Если компромисс 473 г. и так не мог длиться долго, то смерти, случившиеся быстро одна за другой, трех главных действующих лиц обеспечили, наверное, его чрезвычайно быстрое окончание. Первые две смерти произошли в Константинополе. 18 января 474 г. на 73-м году жизни скончался император Лев. Преемником стал его внук от Зенона – юный Лев. Лев II был коронован в тот же день, когда умер его дед. Явная спешка сама по себе являлась знаком того, что готовилось что-то срочное, а менее чем через месяц – 9 февраля юный император короновал собственного отца, объявив его своим августейшим соправителем. Зенон, казалось, завершил восхождение от изаурийского военачальника к божественно избранному императору римлян – поразительный карьерный рост и одно из самых причудливых наследий Аттилы римскому миру.

Но еще до конца года юный Лев умер (по естественной причине: 474 г. был очень плохим для Львов), оставив на троне одного Зенона. Изауриец мог столкнуться с соперничеством за контроль над своим сыном в любом случае, но смерть Льва лишила Зенона его плаща законной

³⁰ Эвбея: «Гетика» 56.285–287. Текст договора Страбона со Львом можно найти у Малха из 2, Р. 408, II. 22 и далее. Широкое цитирование истории Мальчуса сохранялось до X в. Византийский император Константин VII Порфирородный: см.: Блокли (1981) с. 4., Брукс (1893) – остаются отличным справочником по придворной политике в Константинополе, если учесть тот факт, что он был склонен видеть во всех изаурийцах естественных союзников, тогда как есть явные свидетельства того, что среди них существовали определенные группировки со своим собственным возможным внутренним соперничеством.

императорской власти – его сын, в конце концов, был отпрыском принцессы императорской крови. Интриги множились. В частности, у вдовы Льва I Вирины был брат по имени Василиск, и положение этих двоих оказалось гораздо лучше, чем у Зенона, чтобы завоевать поддержку традиционных влиятельных сил в Константинополе. Естественный враг Зенона – Теодорих Страбон был готов присоединиться к ним, как и другая влиятельная фигура – полководец-изауриец Иллус. Чувствуя, что власть ускользает сквозь пальцы, Зенон тайком выбрался из города в первый месяц года, и Василиск стал императором, будучи коронованным 9 января 475 г.

Сам константинопольский переворот достиг желаемого эффекта, но исход его был далеко не обычным. Большинство свергнутых императоров ждал быстрый конец, если только им не сохраняла верность большая часть действующей армии и ее полководцев – но у Зенона ее не было. Но как вождь изаурийцев Зенон имел в своем распоряжении другие ресурсы, и благодаря тому, что он заметил заговор достаточно рано и рано покинул город, он совершил успешный рывок в Изаурию, найдя убежище в одной из горных крепостей в глубине своих владений.

Иллус был в должный момент отправлен в Изаурию, чтобы начать осаду, – один изауриец должен был схватить другого. Нам неизвестно точно, где располагалась крепость Зенона, но в результате полевых изысканий на большой площади в Таврских горах была выявлена постройка, которую мы и должны считать той крепостью. Если вы имеете в виду высокие стены на вершине голой скалы, возвышающейся над узкой, но продуктивной с сельскохозяйственной точки зрения долиной внизу, то вы находитесь там, где нужно. Имевшая хорошее водоснабжение и множество скрытых способов время от времени доставлять внутрь продовольствие, эта горная цитадель оставалась поистине неприступной, и ее можно было взять только голодом или предательством. Цитадель самого Иллуса, например, в 480-х гг. выдержала четырехлетнюю осаду³¹. Благополучно облаченный в пурпур Василиск по-прежнему чувствовал себя неуютно весной 475 г., зная, что Зенон на свободе и нелегко будет заставить его повиноваться. Беспокойство сменилось озабоченностью, как только до него дошла весть о том, что происходило в это время на Западных Балканах.

Когда именно это случилось, мы не знаем, но вскоре после того, как бывшие паннонийские готы упрочились в Македонии, Тиудимир – третий из наших главных действующих лиц – ушел в мир иной. Ему было всего за сорок, но его дальновидность, проявившаяся в удалении своего младшего брата Видимира из группы готов, оказалась вознаграждена. В отсутствие других претендентов королевская власть должным образом перешла к Теодориху, которому все еще было лишь двадцать с небольшим лет. Он представлял собой проблему для Василиска, потому что Теодорих не хотел стоять на месте. Понимая, что во всем этом хаосе появились новые возможности, он вступил в контакт с Зеноном, поклявшись обеспечить тому поддержку готов в обмен на пост полководца империи и все финансовые и иные привилегии, которые император Лев вернул Страбону и фракийским готам в 473 г. Все пожитки снова упаковали и погрузили в повозки, и готы Теодориха отправились в путь из тихой заводи на Балканах к практической цели – Фракийской равнине, расположенной гораздо ближе к Константинополю, и к немалой угрозе, которую представляли их соперники-готы. И опять дерзость молодого короля поражает, хотя этот шаг в действительности был лишь продолжением все той же азартной игры, которая повела всех на юг от Паннонии. Да и на самом деле у Теодориха не оставалось выбора, кроме как продолжать бросать кости. Застрясть на политически ничейной земле в Эвбее не было долгосрочной альтернативой, если бы воины не начали перебираться к его сопернику.

В Константинополе мобилизация Теодориха в сочетании с необычайным счастливым случаем – тем самым, который заставляет вас верить в Судьбу, – пустила под откос режим Василиска. Перемещение Теодориха из Эвбеи было нацелено именно на фракийских готов:

³¹ Для первого знакомства с развивающейся археологией Из аурии см., напр.: Фосс (1990), Митчелл (1993), Хилл (1996).

связать руки Страбону и его войскам – ключевым силам, брошенным на борьбу с Зеноном, имевшимся в распоряжении Василиска летом 476 г., когда Зенон с восстановленными силами наступал на Константинополь. Это наступление само по себе было результатом того счастливого случая, который сначала совсем таким не казался. К весне 476 г. Иллус прохладился у ворот крепости Зенона уже в течение года, когда ему случайно удалось захватить в плен брата Зенона – Лонгина. Это должно было бы стать еще одной неудачей свергнутого императора, но в мире персонифицированной политики эффект был как электрический удар. Имея в своем распоряжении Лонгина, Иллус получал рычаг воздействия на бывшего императора, гарантию того, что Зенон будет соблюдать условия любой сделки, которую они заключат. Возможно, они уже вели переговоры – мы этого не знаем, но Лонгин был жизненно важным гарантом, который требовался Иллусу. Он быстро переметнулся на сторону Зенона, и двое изаурийцев, объединив свои войска, направились назад к Константинополю.

К этому этапу озабоченность Василиска превратилась в тревогу, и он отправил остатки своей действующей армии под командованием своего племянника Армата, чтобы противостоять изаурийцам. Это был достаточно надежный выбор, который только можно было сделать. Но у Василиска были дети, в том числе сыновья, тогда как у Зенона после смерти Льва II их не было. Так что Зенон предложил Армату все обычные придворные почести, а затем бросил решающий аргумент: он сделает сына Армата (которого тоже звали Василиском) императором – наследником трона. Армат клюнул на это, тоже переметнулся на его сторону – и внезапно у Василиска не оказалось никаких вооруженных сил вообще. Его власть улетучилась, пока каждый из ключевых игроков искал, как бы побольше выгоды извлечь из восстановления на троне Зенона, а Теодорих Амал отвлекал на себя фракийских готов.

Как учебный пример человеческой мерзости и тщеславия этот – едва ли может быть превзойден, и события вскоре привели к должному исходу. Василиск и члены его семьи нашли себе убежище в церкви и вышли из нее, поддавшись на обещание Зенона не казнить их. Вместо этого тот сослал их в каппадокийскую крепость Лимны, где – он сдержал слово – их не казнили, замуровали в пустом водохранилище и оставили там умирать. Что касается Зенона, то он вернул себе трон в августе 476 г., как раз к тому времени, чтобы принять посольство от Одоакра – нового правителя Италии, который вручил ему императорские одежды низложившего Ромула Августула (с этого мы и начали наше повествование). После стольких веков западная половина Римской империи прекратила свое существование. Как и почему молодой Теодорих сыграет главную роль в первой попытке восстановить ее, следует непосредственно из того, какой следующий шаг предпринял император Зенон³².

Хотя Зенон вернулся к власти или, по крайней мере, ее подобию после полутора лет изгнания, его положение было далеко не удовлетворительным. Во-первых, теперь он слишком многим был обязан ряду влиятельных людей, особенно Армату и Иллусу, которые в решающий момент переметнулись на его сторону по своим собственным причинам. А еще была проблема с готами. Фракийским готам помешали удержать Василиска на троне, но сила Страбона осталась в целости. Некоторые вопросы были решены легко. По-видимому, никто особенно не любил Армата. Заносчивый щеголь, которому нравилось одеваться как Ахиллес и разгуливать по ипподрому, – предательство собственного дяди Василиска привело его к справедливому концу. Зенон в подходящий момент приказал одному из своих собственных протеже – некоему Оноульффу, брату Одоакра, правителя Италии, убить его; тот решил строить свою карьеру в Константинополе, нежели следовать за своим братом на западе. Оба они изначально были принцами скиров, но каждый из них пошел своим путем после того, как скиры потерпели тяже-

³² Более подробный рассказ о возвышении и падении Василиска можно найти, напр.: у Брукс (1893), Хизер (1991), 272–278, Стейн (1950), с. 1.

лое поражение от паннонийских готов в 460-х гг., хотя в этом же сражении был убит Валамир (этот момент будет иметь значение в последующих событиях). Сына Армата пощадили, но он был посвящен в духовный сан, и никто, по-видимому, и глазом не моргнул. Однако пытаюсь понять поведение различных политических оппонентов Зенона в последующее десятилетие, следует помнить о том, что тот предпочитал прямые действия.

Фракийские готы представляли собой более серьезную проблему. Их численность, сохраненная в исторических источниках (вполне приличная для раннего Средневековья), указывает на то, что они могли выставить более 10 тысяч воинов. Частью сделки были гарантированные Страбону продовольствие и жалованье для 13 тысяч бойцов – хорошее указание на размеры его войска. Последователи Теодориха Амала тоже имели приблизительно такую же численность, поэтому ни одна из этих двух группировок сама по себе не могла решительно противостоять другой. И в этом была проблема Зенона. Теодорих изначально обещал напасть на фракийских готов, но в конце концов предпринял не более чем небольшие стычки в 476 и 477 гг., прося Зенона об оказании помощи. Император колебался и даже подумывал о том, чтобы попытаться вместо этого заключить сделку со Страбоном, не в последнюю очередь потому, что тот привлек к себе некоторых перебежчиков от паннонийских готов³³. Если это звучит странно, то следует помнить, что Теодорих был еще не победоносным правителем Италии, а молодым вождем, который рисковал своими людьми в большой игре. И по крайней мере некоторые из них явно пришли к мнению, что лучше поставить на Страбона.

В конечном счете Зенон выбрал молодого союзника, и зимой 477/478 г. было достигнуто соглашение на следующую военную кампанию о том, что «Теодорих должен выдвинуться со своим собственным войском, которое сосредоточено вокруг Марцианополя, и привести его ближе. Когда он достигнет прохода в Гемских горах, командующий фракийцами выйдет к нему с 2 тысячами всадников и 10 тысячами пехотинцев. Когда Теодорих перейдет через Гемские горы, его встретит еще одна армия, состоящая из 20 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников... неподалеку от Адрианополя».

И еще имелись солдаты из гарнизонов городов, расположенных на Фракийской равнине, но они наверняка не понадобились бы. Так как у Страбона было, возможно, чуть больше 10 тысяч воинов, как и у самого Теодориха, план состоял в том, чтобы мобилизовать против него около 50 тысяч человек, чтобы получилось преимущество один к четырем. Этого было более чем достаточно, чтобы разбить фракийских готов раз и навсегда (карта 2, с. 50)³⁴.

Однако результат и отдаленно не напоминал тот, которого ожидал Теодорих. Через полтора года он оказался опять в Западных Балканах у огромного римского порта Эпидамна (современный Дуррес в Албании) и вел дискуссии с императорским послом. У гота были три конкретные жалобы насчет того, что действительно произошло в ходе военной кампании 478 г. по сравнению с тем, что планировалось:

«Во-первых, вы обещали, что полководец из Фракии немедленно присоединится ко мне со своим войском. Он так и не появился. Затем вы обещали, что придет Клавдий – казначей войска готов с жалованьем наемникам. Я его так и не увидел. Третье: вы дали мне проводников, которые не выбрали более простой путь к врагу и повели меня стороной по крутой тропинке с отвесными скалами по обеим сторонам. Так как я двигался с кавалерией, повозками и вещами

³³ Источники информации об Армате и его падении представлены в PLRE 2, 148; о 13 тысячах воинах Страбона: Малх, из 18.4. Теодорих Амал в какой-то момент предложил императору вести войну там, где тот хочет, с 6 тысячами своих «лучших» бойцов, оставив невоюющую часть готов в городе Диррахуим (Малх, из 20, Р. 446.215 и далее), которому требовался гарнизон численностью 2 тысячи человек (Малх, из 20, Р. 440.83 и далее). Он ничем не рисковал бы при этом, так что перед нами опять 10 тысяч бойцов. О перебежчиках: Малх, из 18.1.

³⁴ Малх, из 18.2.

своей армии, здесь я был близок к полному уничтожению вместе со всей своей армией, если бы враг напал внезапно»³⁵.

Фактически путь вниз, по которому его вели проводники, как известно из повествования Малха, привел армию Теодориха прямо в руки (в обоих смыслах этого слова) Страбона и фракийских готов. Это было не случайно. Зимой 477/478 г. Зенон вел переговоры со Страбоном, прежде чем приступить, очевидно, к решению проблемы с готами путем оказания Теодориху помощи в достижении победы, так что он точно знал, где находился лагерь фракийских готов. Вместо того чтобы выполнять договоренности, Зенон намеревался на самом деле (в 478 г.) путем манипуляций двумя готскими группировками заставить их прийти к детально спланированному им столкновению, которого они избегали с 476 г. Он действительно мобилизовал армии, упомянутые в договоре с Теодорихом, но придержал их, очевидно чтобы «зачистить» остатки обеих армий после того, как два Теодориха сразятся друг с другом. Убрав Армата со сцены, наш император-изауриец попытался и дальше упростить политическую шахматную игру, организовав решительное удаление с игровой доски фигурок обоих готов одним махом.

На деле коварный план Зенона расстроили два события: одно из них было вне его власти, а другое – творением его рук. Во-первых, готы отказались сражаться. Малх предлагает нам весьма высокопарную сцену, в которой Теодорих Страбон убеждает своего молодого тезку признать предательство императора:

«Они позвали тебя и объявили, что придут и будут сражаться рядом с тобой. Но римлян здесь нет, и они не встретили тебя у прохода [в Гемских горах], как обещали. Они бесчестно оставили тебя одного на уничтожение, чтобы ты поплатился за свою поспешность перед людьми, которых ты предал».

На самом деле я сомневаюсь в том, что Теодорих, лишенный подкреплений и денег, выведенный из гор по странному маршруту, который – так уж случилось – привел его прямо в руки Страбона, нуждался в том, чтобы кто-то указывал ему на то, что его предали. У Малха Страбон также разъясняет действительные намерения Зенона:

«Не воюя, [римляне] хотят, чтобы готы перебили друг друга. Кто бы из нас ни проиграл, они будут победителями безо всяких усилий. И тот из нас, кто разобьет другого, одержит, как говорят, кадмейскую победу (доставшуюся слишком дорогой ценой, равносильную поражению. – *Пер.*), так как у него останется слишком мало воинов, чтобы противостоять предательству римлян».

И опять-таки я сомневаюсь, чтобы Теодориху нужна была какая-либо помощь, чтобы понять все это, или что Страбон счел бы ссылку на Кадма (основатель Фив, который после сражения остался лишь с пятью воинами, рожденными из зубов дракона) решающим аргументом. Но в том, как Малх заканчивает эту сцену, есть намек на несколько большую достоверность. В его рассказе именно паннонийские последователи Теодориха заставляют его отказаться от сражения. Они понимают, сколько они потеряют в результате любой конфронтации, и угрожают проголосовать ногами (как это уже сделали некоторые из их соотечественников), если их молодой вождь попытается начать сражение³⁶. В результате готы заключили пакт о ненападении друг на друга. Каждой стороне было разрешено получить от Константинополя все, что она сможет, но воевать друг с другом они не будут.

Так как готы были далеко не глупы, Зенон, вероятно, всегда рассчитывал, что такой исход возможен, и приготовил свои армии (или они должны были быть наготове), чтобы вступить в дело и исправить ситуацию в случае необходимости. На самом деле наготове они не были, потому что Иллус покинул Константинополь с глубокой обидой, а главные действующие армии – как всегда, имеются в виду их военачальники – были в таком возмущении, что их пришлось

³⁵ Малх, из 20, Р. 444.175 и далее.

³⁶ Малх, из 18.2, Р. 428.30 и далее.

отправить назад на зимние квартиры. И опять проблема готов переплелась с событиями в Константинополе. В 478 г. Зенон, по-видимому, был слишком жаден, желая организовать финал (как в «Крестном отце»), когда все препятствия к его власти исчезают одновременно. Иллус, как вы помните, являлся ключевой фигурой при восстановлении Зенона на троне в 476 г., но сделал он это только потому, что имел на него рычаг воздействия в виде брата императора, который попал к нему в заложники. Такую ситуацию Зенон не собирался оставлять нерешенной долгое время: по крайней мере, если он мог что-то исправить. Как и ожидалось, первым делом он предпринял попытку убить Иллуса в 477 г., в результате которой изауриец не только выжил, но и извлек из этого выгоду, получив от Зенона дополнительные почести, включая должность консула на 478 г., которая была ценой за его продолжающееся участие в существующем режиме. Однако в начале 478 г. состоялась вторая попытка его ликвидации. И снова Иллус остался жив, но на этот раз – впоследствии – он увез злоумышленника с собой в Изаурию, чтобы тот помог ему в расследовании. Эти разногласия сделали главную действующую армию ненадежной, и именно этот факт заставил готских петухов разойтись по своим насестам.

Как только два Теодориха поняли, что на самом деле происходит, и решили не воевать – процесс, на который, наверное, ушла пара наносекунд, – младший из них выдвинулся в сторону Константинополя. Преданный и раздраженный, со своими приверженцами, которые становились все более неуправляемыми, исходя из провала – пока – большой игры, которая не принесла ожидаемых барышей (это буквально, если верить жалобам на непоявление казначея, обязанного заплатить готам, в чем я не вижу причин сомневаться), младшему Теодориху позарез нужен был успех. Некоторые из его последователей годом раньше переметнулись к Страбону, и их лояльность основывалась на личной отваге его дяди, а не древней нерушимой традиции верности королевской власти. В 478 г. Восточная империя, по крайней мере в лице Зенона, ответила решительным «нет» на совершенно непрошеное и своекорыстное предложение помощи, разыгранное в виде марша паннонийских готов на юг пятью годами ранее, и каждый старался решить, что ему делать. У Зенона в окрестностях столицы имелись две свободные враждующие группировки готов – и не было надежной армии. Так как Страбон был немного меньше зол на все это, чем его младший соперник, император решил заключить с ним сделку, предложив бланковый чек, который должным образом заполнил вождь фракийских готов. Пост главного военачальника империи стал его, а к его людям из Константинополя на север потекли золото и продовольствие.

Это помогло Зенону выиграть некоторое время, пока Теодорих остывал, но несчастным провинциальным жителям Балкан пришлось платить за это непомерно высокую цену. Со времен своего пребывания в Константинополе в качестве заложника гот знал, что стены города неприступны, так что он медленно отступал на запад по одной из самых больших (длиной 1120 км) древних дорог империи – Виа Игнатия, построенной во II в. до н. э., чтобы связать цепочку римских колоний, протянувшихся от Адриатики до Босфора. Чтобы порадовать своих людей трофеями, дать выход своему раздражению и заставить Зенона обратиться к нему с предложением – почти в равных количествах, – главные города по пути были разграблены; археологические раскопки городов Филиппы и Стобы демонстрируют шрамы разграбления. Затем он решил нанести своими более подвижными силами удар по легко обороняемому стратегическому порту Эпидамну, который он и захватил хитростью летом 479 г. И там, как рассказывает нам Малх, по плану он должен был ждать, что случится дальше³⁷

³⁷ Малх 18.3–4, 20. Некоторые данные об этих нападениях готов появились благодаря археологическим исследованиям: Паллас (1977), Вайсман (1984) со ссылками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.